

Глава 7. АНАРХИСТСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 1923—1930 годах

«Американская Континентальная Ассоциация Трудящихся, подводя итог опыта последнего века борьбы и учитывая уроки реальности и жизни, отвергает завоевание политического Государства в качестве метода пролетарского освобождения и сосредоточивает все свои надежды на организации труда сообразно краеугольным основам его свободы, полезности и солидарности... Социальный РСЖим, основанный на общем труде свободных ассоциаций, исключает государство, которое всегда было инструментом господства какой-либо паразитической касты или класса в ущерб массе производителей и которое теряет всякий смысл, когда экономическое уравнивание, экспроприация экспроприаторов, устанавливает равенство всех человеческих существ перед лицом жизни, средств труда и пользования изделиями.

Декларация принципов Американской Континентальной Ассоциации Трудящихся (1929 г.) [1].

Анархизму и анархо-синдикализму в Латинской Америке в 1923—1930 годах пришлось противостоять могущественным и все более напористым политическим противникам со всех сторон. Правительства опробовали на них все мыслимые методы подавления и социальной интеграции — от традиционных «каудильистских» или военных диктатур до националреформизма, от огосударствления профсоюзов и удушения всякой независимой общественной активности по фашистскому образцу до проведения социальных преобразований при одновременном подчинении рабочих организаций реформистским правительствам. С другого фланга анархо-синдикалистов атаковали усиливавшиеся коммунисты и социал-реформисты, призывавшие к «единству» рабочего движения. В мировом анархо-синдикалистском движении латиноамериканские рабочие анархисты также ревностно отстаивали свое своеобразие, критикуя апологетику индустриализма и стремясь остановить капиталистическую индустриализацию, пока она не разрушила ту форму общества, которая сложилась на континенте, не истребила общинную солидарность,

заменив ее бездушным холодом машин.

Удерживать свои позиции в этой острой борьбе было нелегко. Тем не менее анархистам Латинской Америки вплоть до начала 1930-х годов удавалось сохранить, а местами и усилить свое влияние в рабочем движении пока оно не пало окончательно жертвой диктаторов всех мастей.

Аргентинская ФОРА: последний взлет

Вопрос о вступлении в МАТ обсуждался на IX конгрессе ФОРА в марте — апреле 1923 г. Было принято решение об условном присоединении к международному анархо-синдикалистскому объединению и о проведении референдума в организации на эту тему. Недовольство ФОРА было вызвано следующими обстоятельствами. Прежде всего ее возражения вызвали «уступки Москве, главной из которых был проект Комитета синдикалистской защиты Франции в духе продолжения сделок с целью поиска "договоренности" с вождями Красного Интернационала профсоюзов». Аргентинские анархисты вновь подвергли критике идеологию синдикализма и «единства рабочего класса» на основе экономических интересов, помешавшую «конгрессу принять твердые резолюции, позволяющие обеспечить независимость МАТ». Наконец, ФОРА оспаривала «концепцию послереволюционного синдикализма, идейное содержание которой мы отвергаем, поскольку оно ВОШЮЩает скрытые этатистские намерения и содержит в себе в действительности авторитарную посылку: " Вся власть — профсоюзам"» [2]. Конгресс поручил Федеральному совету созвать по результатам референдума конференцию делегатов ФОРА для окончательного решения вопроса, а до тех пор поддерживать с новым Интернационалом «сердечные отношения».

Конгресс подтвердил приверженность «коммунистическому анархизму» и абсолютное неприятие «диктатуры пролетариата» или любой иной диктатуры в «революционный период» в качестве «временной или постоянной меры». Из наименования ФОРА было исключено определение «коммунистическая». Участие любых политичеСКИХ элементов в федерации по-прежнему не допускалось, напротив, члены анархистских групп имели право занимать в ней ответственные посты. Конгресс отклонил идею создания отраслевых федераций и высказался против общенациональных федераций по профессиям. Последнее решение отменяло резолюцию чрезвычайного конгресса 1920 г. о Региональной рабочей федерации портовиков. Что касалось проектов создания федерации железнодорожников, то его было решено обсудить дополнительно. Конгресс подтвердил поручение Федеральному совету подготовить проведение Южноамериканского конгресса синдикалистов, провозгласо бойкот продукции пивоваренной компании «Бикерт» и отказался от создания профсоюзов сельскохозяйственных арендаторов, считая нужным ограничиться ведением идеологической пропаганды в их среде. (Последнее объяснялось, как и прежде, тягой этой категории работников к заключению коллективных соглашений с хозяевами. [3].

Рудольф Роккер попытался убедить аргентинцев отказаться от своих возражений в отношении МАТ. В статье, опубликованной в газете «Ла Протеста», он утверждал, что «анархизм и синдикализм дополняют друг друга как дух и тело. Без анархистской идеологии синдикализм — это всего лишь обычное профсоюзное движение для достижения

временных улучшений в рамках существующего общества; а без экономической организации труда анархизм превратился бы в секту, которая защищает весьма красивые идеи, но не располагает средствами, чтобы осуществить их». Он настаивал на том, что Интернационал должен объединить различные синдикалистские течения: «В МАТ есть место для товарищей из ФОРА, которые по своим принципам являются чистыми анархистами, для тех, кого называют анархо-синдикалистами, и также для "чистых синдикалистов", защищающих ту точку зрения, что синдикализм самодостаточен» [4].

Отношения ФОРА с другими течениями либертарного движения оставались напряженными. Организация подвергла резкой критике «Аргентинский либертарный альянс», образованный в 1922 г. группой из 30—40 анархистских интеллектуалов. ФОРА обвиняла альянс в том, что тот далек от рабочего движения, сотрудничает в США и наспигован полицейскими провокаторами (в 1923 г. были разоблачены в качестве агентов и исключены из рядов альянса его секретарь по интернациональным связям Хулио Амор и редактор газеты Давид Вальдес [5]. Постоянная полемика шла между ФОРА и «Ла Протеста», с одной стороны, и группой во главе с Т. Антильей и Г. Пачеко, которая в 1916 г. покинула редакцию «Ла Протеста», с другой. Это последнее течение, питавшее определенные симпатии к анархо-индивидуализму, издавало собственную газету «Ла Анторча», которая широко предоставляла свои страницы оппонентам ФОРА — вплоть до «анархо-большевиков». ФОРА была возмущена также высказываниями «анторчистов» в связи с голодом в России. Сотрудники анархо-индивидуалистической газеты «Ла Пампа либре» напали на группу членов ФОРА и убили одного из них. Возмущенные рабочие штурмовали помещение редакции, в ходе столкновения семь человек были убиты [6]. Состоявшаяся в августе — сентябре 1924 г. в Буэнос-Айресе «региональная конференция»

ФОРА исключила группу сторонников индивидуалистов из групп «Ла Анторча», «Пампа либре» и «Идеас», обвинив их в «подрывной» деятельности и препятствии пропаганде анархо-коммунизма. Вместе с ними ушли и несколько синдикатов. Федерация призвала к бойкоту «Ла Анторча» и близких к ней изданий [7].

В 1923 г. ФОРА, несмотря на некоторое ослабление профсоюзного движения в стране, сохраняла влияние прежде всего в столице, где ее опорой были союзы плотников, мойщиков автомашин, булочников, обувщиков, маляров, рабочих по гипсу, свинцу и сарайщиков [8]. Правда, сторонники Профинтерна сообщали в Москву что ряды ФОРА редуют, и в ней остались всего 5 тысяч членов, из которых лишь 1,5 тысячи регулярно платят взносы [9]. Но эти цифры следует считать явно преуменьшенными.

Забастовочные выступления рабочих были для ФОРА не только способом сопротивления капиталу и государству и средством улучшения непосредственного положения трудящихся. Стачки воспринимались также как своего рода «революционная гимнастика», школа солидарности и путь формирования анархо-коммунистических ценностей.

Местные и частичные стачки были в Аргентине, как отмечалось в отчете федерации II конгрессу МАТ, «перманентным состоянием». Так, например, в одном только апреле 1923 г. прошли забастовки работников предприятий по очистке в бронзировке и автомобильном деле, резиновой промышленности, официантов, нефтяников, картонажников, металл истов,

вагоностроителей, текстильщиков, обувщиков (все в Буэнос-Айресе), строителей (в Тигрс-Виктория и Сан-Фернандо), пекарей (в Сан-Фернандо), жестилянщиков (в Авельянеде), строителей в Ресистенсия, Чаке, Вилья-Марии, Кордове, Ла-Плате, Буэнос-Айресе и пекарей в Брсадо и Хандиле, столяров и ПОЛИРОВЩИКОВ в Кордове, кожевников и изготовителей портфелей в Росарио, мозаичников, шоферов, работников ликерной промышленности и пивоварни «Бикерт», столяров и краснодеревщиков, работников прачечных, железнодорожников и т.д. Некоторые из них затронули по несколько предприятий. Средняя продолжительность выступлений составляла от нескольких дней и недель до нескольких месяцев (забастовка металлистов). В этот перечень не были включены совсем короткие или одиночные забастовки. Подавляющее число таких стачек заканчивалось успешно, лишь немногие были проиграны [10].

В отличие от европейских профсоюзов, которые придавали первостепенное значение финансовой поддержке бастующих, ФОРА ориентировалась на практическую солидарность. «Системы органически регулируемой материальной ПОДДСРЖКИ стачек в ФОРА не существует, — указывалось в отчете федерации II конгрессу МАТ. — Мы усматриваем чрезвычайно большое значение солидарности в том, чтобы прикрыть тылы борющихся товарищей, стараясь всеми средствами изолировать в глазах всех рабочих штрейкбрехеров и желающих стать таковыми... как зачумленных. Таким образом, ведущие борьбу делают это сами. Однако, разумеется, они и члены их семей добровольно защищаются от материальной нужды товарищами, там и тогда, где и когда длительность борьбы делает это необходимым [11].

ФОРА широко использовала также метод стачки солидарности и всеобщей стачки протеста. Так, 7—9 июня 1923 г. проводилась всеобщая забастовка против высылки из Уругвая анархиста Сильвейры; синдикалисты из УСА саботировали выступление [12]. Почти сразу же за этим последовала новая стачка. 16 июня 1923 г. в тюрьме был убит анархист Курт Вилькенс, который в январе застрелил генерала ВарсЛУ, командовавшего расправой над рабочими Патагонии в 1921 г. Расправа над народным мстителем вызвала всеобщее негодование; рабочие стихийно покидали предприятия и собирались у мест, где они рассчитывали получить информацию. Газета «Ла Протеста» вышла экстренным выпуском. Первыми забастовали пекари Буэнос-Айреса, входившие в ФОРА, к вечеру того же дня стачка переросла во всеобщую, столица была парализована. Находившийся под контролем реформистов и коммунистов профсоюз водителей трамваев отказался присоединиться к выступлению, но взбешенные рабочие стали поджигать трамваи, и те вынуждены были прекратить работу. 17 июня забастовка распространилась на всю страну, повсюду происходили кровавые столкновения с полицией, которая пыталась захватить помещения рабочих организаций. В Буэнос-Айресе в ходе уличных боев были убиты несколько полицейских и один офицер. Произведены массовые аресты: число арестованных только среди пекарей столицы превысило 200 человек, в Санта-Фе арестованы 20 человек и т.д. Продавцы газет отказывались распространять буржуазную прессу: продавали только анархистскую газету «Ла Протеста» и одно независимое издание. Коммунисты и реформисты выступили против ФОРА и приняли решение о прекращении забастовки с 18 июня, но рядовые рабочие на сей раз не последовали за своими «вождями». Стачка продолжалась. Вооруженная полиция напала на митинг, организованный ФОРА, и на помещение рабочей организации; в ходе столкновений имелись жертвы среди трудящихся и

среди полицейских. Провокации властей только усилили движение протеста. Даже арестованные объявив голодную забастовку. Только 21 июня ФОРА призвала рабочих вернуться на работу во избежание дальнейших жертв. В провинции стачка за освобождение арестованных продолжалась еще несколько дней [13].

В ходе стачек и столкновений 1923 г. было арестовано всего 3100 человек. Большинство из них были освобождены, но некоторые получили жестокие приговоры. Так, в Буэнос-Айресе 13 человек были осуждены на сроки от 2,5 до 18 лет. В 1924 г. в тюрьмах вновь находились 3 тысячи человек [14].

ФОРА приходилось тратить крупные средства на помощь заключенным: если прежде на это уходило примерно 60—70 тыс. песо в год, то в 1918—1924 годах более 100 тысяч ежегодно. Только в 1923 г. Комитет помощи заключенным в столице помогал 3100 арестованным [15]. В 1924 г. волна забастовок не ослабевала. Всего в этом году в стране было 77 стачек с участием 277 071 человека [16]. Многие из них были проведены союзами ФОРА. Только в апреле этого года бастовали металлисты, нефтяники, обувщики, столяры и краснодеревщики, вагоностроители, рабочие макаронной фабрики, предприятия по производству масла, кондитеры, текстильщики (в Буэнос-Айресе), шоферы (в Буэнос-Айресе и Авельянеде), рабочие железнодорожных мастерских в Сальте и Чми и в Тафи-Вьехо, кирпичники (в Ла-Плате, в течение 27 дней), рабочие Ломас-де-Саморра и Сиррас-Бахаса, пекари (в Хунине и в Мерседесе), работники прачечных (в Росарио), шахтеры (в Фаматине) и т.д. Наряду с частичными организовывались и всеобщие забастовки лиц той или иной профессии: прошли выступления протеста против полицейского произвола в Жужуе, всеобщие стачки кирпичников, маляров и металлистов в столице, мозаичников в Буэнос-Айресе и Ломасе, машинистов в Сан-Фернандо [17].

Стачка, организованная ФОРА в Байя-Бланка, сопровождалась кровопролитными уличными боями. Организации в этом и соседнем районах подверглись полицейским преследованиям. В помощь арестованных рабочих собирались крупные средства. В фонд поддержки затюченных в Буэнос-Айресе только в течение года было внесено 40 тыс. песо. Некоторые профсоюзы, к примеру многотысячный союз пекарей столицы, имели собственные фонды поддержки [18].



ФОРА ожесточенно сопротивлялась вмешательству государства в социальную сферу и трудовые конфликты. В 1924 г. она развернула активную забастовочную борьбу против принятия закона о страховании по старости и вообще против социального

законодательства, которое анархисты расценивали как «реформистские уловки и обман рабочих», противопоставляя фискализации конфликтов прямое действие. Так, секретариат ФОРА и столичная федерация предпринимали меры для организации поддержки стачки текстильных рабочих, агитируя рабочий масс страны примкнуть к их борьбе. В Заявлении по этому поводу разъяснялась тактика организации: «ФОРА доводит борьбу до ее заключительных последствий в соответствии с требованиями ситуации и призывает к применению собственных, испытанных средств борьбы за завоевания пролетариата» [19].

Федерация вела печатную и устную агитацию против закона о социальном страховании. В феврале 1924 г. она организовала стачку протеста в столице, в которой приняли участие 20 тысяч рабочих [20]. В апреле в Буэнос-Айресе была проведена всеобщая стачка 15 тысяч текстильщиков, также направленная против законопроекта. Когда возникла угроза распространения движения на всю страну, власти отложили принятие закона, а затем неожиданно ввели его в действие 1 мая. В ответ на следующий день по призыву ФОРА вспыхнула всеобщая стачка, к которой не присоединились только входящие в реформистский Аргентинский синдикальный союз (УСА) профсоюзы печатников и муниципальных работников столицы. Наибольший размах выступление приобрело там, где были сильны позиции ФОРА: среди шоферов, сапожников, пекарей, столяров, электриков, металлистов столицы, а также в провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Тукуман, Мендоса. Полиция ответила арестами ведущих активистов анархистской рабочей организации. Из членов УСА в забастовке приняло участие всего 20 тысяч человек, но реформистские синдикалисты сумели привлечь к себе внимание многотысячными митингами, а затем договорились с правительством об изменении формы закона. Возмущившись такими действиями за спиной рабочих, некоторые входящие в УСА профсоюзы покинули это профобъединение, но дело было уже сделано. В отличие от февральского движения, ФОРА на сей раз не удалось увлечь большинство трудящихся. Оставшись в одиночестве, она прекратила забастовку 9 мая [22].

ФОРА не только выступала против государственного вмешательства в трудовые отношения, но и отказывалась от применения практики коллективных договоров, заключаемых на определенный срок и, таким образом, связывающих руки работникам. Аргентинские рабочие-анархисты считали, что трудящиеся должны добиваться улучшений для себя в любой момент, когда это позволяет соотношение СИЛ [23].



Тактика федерации способствовала росту ее популярности. В 1924 г. рост рядов ФОРА продолжался. В нее вступили, в частности, многотысячный союз шоферов Буэнос-Айреса, Провинциальная федерация профсоюзов Сальты и др. Только с начала сентября по ноябрь 1924 г. к федерации присоединилось не менее десяти новых рабочих обществ²⁵. К началу 1925 г. в Аргентинской региональной рабочей федерации состояли 60 тысяч членов, однако практика систематических членских взносов отсутствовала, и взносы платили лишь 20 тысяч человек. Тем не менее влияние организации выходило далеко за эти пределы. Формальные цифры мало что значили в Аргентине. ФОРА издавала ежедневную газету «Ла Протеста» и около 20 изданий для отдельных профессий, включая газеты пекарей «Эль Обреро панадеро» (основана в 1896 г.), столяров «Эль Карпинтеро» (основана в 1901 г.), металлистов, кочегаров и машинистов, работников автогаражей, поваров, официантов, сапожников, кирпичников, строителей и т.д. ФОРА собирала значительные средства с целью оказания помощи анархистам и анархо-синдикалистам в стране и за рубежом. Она издала за свой счет 126-страничную брошюру в поддержку МАТ, которая обошлась ей в 2 тыс. песо [26].

В 1925 г. рабочее движение снова получило возможность проводить легальные демонстрации. мая ФОРА провела манифестацию в столицу с участием не менее 5 тысяч человек [27]. Федерация вела кампанию за 6-часовой рабочий день. Одним из направлений работы ФОРА был антимилитаризм. 2 августа 1925 г. по всей стране были проведены антивоенные демонстрации. Наиболее активное участие приняли местные организации ФОРА в Авельянеде и Тукумане, где состоялся крупный митинг [28]. В 1928 г. крупный митинг в связи с годовщиной начала Первой мировой войны был проведен столичной организацией ФОРА; был выпущен антивоенный манифест [29].

Ставя перед собой цель способствовать развитию среди рабочих духа солидарности, ФОРА постоянно вела борьбу в поддержку «заключенных участников классовой борьбы». Символической фигурой в этом отношении оставался Симон Радовицкий, молодой анархист, убивший в ноябре 1909 г. шефа полиции Фалькона — организатора расстрела первомайской демонстрации. Радовицкий был приговорен к пожизненному заключению, и ФОРА вела постоянную кампанию за его освобождение. В 1927 г. она призвала все организации МАТ проводить митинги солидарности [30]. В самой Аргентине ФОРА и газета «Ла Протеста» организовали с осени 1927 г. сотни митингов по всей стране, распространили плакаты и 40 тыс. брошюр [31]. С середины декабря 1927 г. столичная полиция запретила рабочим организациям и анархистским группам всякую устную и печатную агитацию за освобождение Радовицкого, включая распространение плакатов и листовок. Делегаты от рабочих организаций ФОРА столицы приняли в феврале 1928 г. решение о проведении всеобщей стачки протеста. 17 марта делегаты и центральные органы федерации назначили выступление на 23 марта. 24-часовая забастовка, в которой участвовали ФОРА и независимые профсоюзы, парализовала жизнь и движение транспорта в столице; бастовали также 20 тысяч портовых рабочих³². Крупное выступление было организовано в 1928 г. союзом шоферов ФОРА. Он объявил всеобщую забастовку в поддержку стачки водителей автомобилей столицы. Рабочие добились успеха [33].



На борьбу трудящихся-анархистов масти отвечали новыми репрессиями. Так, 25 июня 1928 г. полиция напала на бюро ФОРА в столице, арестовала нескольких рабочих и секретаря местной федерации, однако через некоторое время вынуждена была отпустить их [34].

Активные выступления способствовали дальнейшему росту влияния и рядов анархистской рабочей организации. К лету 1928 г. в ФОРА входили 200 рабочих союзов, включая 2 федерации сельскохозяйственных рабочих, 12 местных и 4 провинциальные федерации. Она тесно сотрудничала с рядом независимых профсоюзов, которые разделяли ее цели и методы борьбы, и пригласила их на свой очередной конгресс [35].

X конгресс ФОРА состоялся с 11 по 16 августа 1928 г. На нем были непосредственно представлены 103 рабочие организации; многие делегаты не смогли приехать из-за нехватки средств. 13 делегатов представляли 75 рабочих союзов, 8 местных федераций и 3 провинциальные федерации. Наиболее сильны позиции ФОРА были среди пекарей (в нее входили почти все рабочие пекарен страны) и докеров (в ней состояли, к примеру, 8 тысяч докеров Росарио). Участники приветствовали всех заключенных и преследуемых за социальную борьбу во всем мире и приняли решение продолжать энергичную устную, печатную, листовочную и забастовочную кампанию за освобождение Радовицкого, включая обращение к Секретариату МАТ с призывом провести международный митинг или стачку.

Делегаты обсудили тактические вопросы, в том числе проблему использования бойкота в качестве средства борьбы. Было отмечено, что 30-летняя практика использования этой формы борьбы в рабочем движении не дала существенных результатов. Поэтому было рекомендовано проводить бойкот только во время стачек в отношении фирм, где происходит забастовка. За такое решение было подано 45 голосов, 38 делегаций голосовали против, шесть воздержались, а 10 отсутствовали при голосовании.

Организационные решения включали прием в крестьянские СИНдикаты мелких арендаторов, не использующих наемный труд, и оформление участия железнодорожников в ФОРА. Делегаты постановили не создавать общенациональную федерацию, учредить «Комитет связи» местных организаций, которые должны были входить в местные федерации ФОРА. Резолюция в отношении иммиграции и безработицы осудила правительственную политику законодательного ограничения иммиграции в страну. Долгом всех членов ФОРА была провозглашена помощь приехавшим в Аргентину рабочим. Резолюция подтверждала лозунг 6-часового рабочего дня и подчеркивала необходимость ведения пропаганды на различных языках. Было решено также увеличить размер взносов в МАТ, фонд солидарности МАТ и на панамериканскую работу [36].

Официальным органом ФОРА делегаты утвердили анархистскую газету «Ла Протеста», призвав также как можно скорее приступить к изданию «Органисасьон обрера».

Отдельная резолюция конгресса была посвящена борьбе с усилением «международной реакции». Осудив «предательство рабочих политических партий и реформистских организаций пролетариата в отношении дела освобождения труда», ФОРА рекомендовала более упорно вести «пропаганду фундаментальных идей интегральной анархии», борьбу с национализмом, милитаризмом, диктатурой и войной и искать средства сопротивления «экономической диктатуре» капитала. Она призывала также интенсифицировать противостояние попыткам проникновения церкви в школу и общественную жизнь, укреплять «дух истины в науке и дух бунтарства в искусстве», развивать международную солидарность с жертвами реакции и разоблачать «лицемерие демократии» [37].

1929 год ознаменовался новым подъемом анархистского рабочего движения в Аргентине. Страну охватила непрерывная волна стачек. Докеры провели 24-часовую забастовку, протестуя против действий фашистов из «Патриотической лиги». В первые месяцы года бастовали пекари Буэнос-Айреса, кирпичники в Ломас-дсСамора. Забастовки охватили Авельянеду. 20 мая ФОРА организовала в Буэнос-Айресе всеобщую стачку за освобождение Радовицкого; новые выступления солидарности прошли 25 августа.

Несмотря на то что союз строительных рабочих ФОРА в Буэнос-Айресе объединял лишь меньшинство трудящихся, занятых в этой отрасли, престиж анархистской рабочей организации был настолько силен, что объявленная ею в мае стачка получила массовую поддержку в столице и в провинции Буэнос-Айрес и встретила симпатии со стороны населения. Забастовка продолжалась несколько месяцев и закончилась частичной победой рабочих, требовавших повышения зарплаты. Она сопровождалась арестами и столкновениями с полицией, повлекшими за собой человеческие жертвы. Так, 14 мая был убит член ФОРА Капутто [38]. Многие рабочие остались, однако, недовольны исходом

стачки. Этим воспользовались коммунисты, которые обвинили ФОРА в плохой организации выступления. Позднее им удалось расколоть профсоюз и создать собственный [39].

В июле 1929 г. центром забастовочного движения стал город Росарио — «аргентинский Чикаго». Стачку начали работники пекарни «Минетги и Ко» в Руфино, требуя введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты и улучшения условий труда. Предприниматели прибегли к использованию штрейкбрехеров. В поддержку рабочих объявили забастовку солидарности другие работники фирмы. Рабочие порта Росарио отказались грузить продукцию фирмы; союз докеров ФОРА потребовал удалить из порта штрейкбрехеров и, столкнувшись с отказом торговцев, также начал забастовку, парализовав экономическую жизнь города. К стачке солидарности примкнули портовики Санта-Фе, Вилья-Конститусьон, Габота, Сан-Лоренсо, Сан-Мартина. Власти пришли на помощь предпринимателям: они ввели чрезвычайное положение, объявили докеров Росарио «государственными служащими» и направили в город войска. После провала переговоров ФОРА провозгласила в Росарио всеобщую бессрочную стачку, к которой присоединились реформистские синдикалисты из УСА, ряд независимых профсоюзов и анархистский союз водителей трамваев, который в это время участвовал в собственном трудовом конфликте и теперь соединили свои требования с требованиями других бастующих. Всего в стачке приняли участие до 100 тысяч человек. Полиция произвела массовые аресты; тюрьмы города были переполнены. После недели борьбы Федеральный совет ФОРА и локальная федерация Буэнос-Айреса пригрозили объявить с 1 августа общенациональную всеобщую стачку, если требования докеров Росарио не будут удовлетворены; правительство планировало объявить чрезвычайное положение. В самый последний момент Торговая палата Росарио приняла условия докеров, затем были удовлетворены и требования пекарей. Стачка водителей трамваев продолжалась еще некоторое время. В комментарии прссс-бюллетеня МАТ стачка в Росарио была названа «уроком для Европы» [40].

Долгие месяцы продолжалась забастовка работников автомобилестроительного предприятия «Дженерал моторс» в Буэнос-Айресе. Она была организована союзом рабочих-металлистов ФОРА. Члены ФОРА на заводах явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день; в ответ на их увольнение трудовой коллектив начал стачку солидарности, требуя сокращения рабочего времени, восстановления уволенных на работе, признания прав профсоюзов. После двухнедельной борьбы администрация приняла эти требования, но затем нарушила обещания, уволив нескольких участников забастовки. Стачком потребовал выполнения решений, в ответ все его члены были также уволены. Стачка возобновилась. В течение последующих месяцев администрация дважды соглашалась на переговоры, но категорически отказалась уволить взятых на работу штрейкбрехеров.

Борьба приобретала все более острые формы. ФОРА и независимые профсоюзы столицы оказывали бастующим моральную поддержку. Анархистская газета «Ла Протеста» регулярно сообщала о ходе борьбы и призывала трудящихся к солидарности. Было распространено около 1 млн плакатов и листовок. Профсоюз шоферов ФОРА объявил бойкот всех машин «Дженерал моторс». За время забастовки фирма понесла убытки на сумму в 50 млн песо. Каждый день происходили столкновения рабочих со штрейкбрехерами, иногда кровопролитные. В ходе стачки полиция арестовала не менее 456 рабочих, получивших приговоры общей продолжительностью в 5000 дней тюрьмы.

После 10 месяцев борьбы, в декабре 1929 г. фирма вынуждена была полностью принять все требования участников стачки. Она уволила штрейкбрехеров (автомобилестроителей и шоферов), восстановила на работе уволенных рабочих и водителей, согласилась на сокращение рабочего времени и повышение зарплаты и на равную оплату мужского и женского труда. Компания также уплатила союзам металлистов и шоферов компенсацию в размере 5 тысяч долларов [41].

Секретариат анархо-синдикалистского Интернационала в своем докладе за 1929 г. охарактеризовал ФОРА как «наиболее успешную секцию МАТ» [42]. Стачки способствовали дальнейшему укреплению ФОРА и значительному росту ее рядов. Наряду с забастовочной борьбой, аргентинские рабочие анархисты продолжали активную пропаганду либертарных идей через ежедневную газету «Ла Протеста», многочисленные органы отдельных рабочих союзов и провинциальную прессу. Издавалось также множество теоретических книг и специальные двухнедельные приложения к «Ла Протеста».

Победа рабочих «Дженерал моторс» вызвала отклики и на других заводах, где трудились металлисты Буэнос-Айреса. Рабочие фабрики «Оксигена» выдвинули те же требования, что и их победившие товарищи, и фирма приняла их [43].

Серьезным ударом по федерации стало убийство 25 ноября 1929 г. в Буэнос-Айресе Эмилио Лопеса Аранго — ее главного теоретика, редактора «Ла Протеста» и одного из создателей Американской континентальной ассоциации трудящихся, организованной по инициативе ФОРА. Его похороны вылились в огромную демонстрацию». И все же начало 1930 г. аргентинское анархистское рабочее движение встретило, полное надежд. Ничто не предвещало катастрофы. Рабочие союзы ФОРА одерживали блестящие успехи в экономической борьбе против предпринимателей. Зарботки трудящихся существенно повысились, рабочий день был сокращен, хозяева вынуждены были признать рабочие организации. Рабочие-металлисты вели решительную борьбу с администрацией компании «Форда». В длительные и упорные трудовые конфликты были вовлечены рабочие союзы строителей, пекарей, шоферов, докеров [44].

Особенно острый характер приобрела борьба пекарей столицы. В ходе конфликта и сопровождавших его столкновений были убиты 7 предпринимателей и 8 рабочих, ранены 7 предпринимателей, 8 рабочих и одно частное лицо (не считая еще 24 человек, получивших тяжелые телесные повреждения, и 10 легкораненых). На вызов полиции и использование штрейкбрехеров рабочие отвечали актами саботажа: были произведены 21 взрыв, 14 поджогов в пекарнях, 375 повреждений весов для муки. Было арестовано и отдано под суд около 400 рабочих [46].

Ряд рабочих союзов (печатников, металлистов и др.) развернул практическую подготовку к введению явочным порядком 6-часового рабочего дня“. Очередным успехом ФОРА стало освобождение после более чем 20-летнего заключения Радовицкого в апреле 1930 Аргентинские рабочие анархисты проводили также акции солидарности с трудящимися других стран. Они организовали в Буэнос-Айресе митинги протеста против смертного приговора, вынесенного девятерым боливийским рабочим правительством президента Силеса [49]. По инициативе «Ла Протеста» была создана Аргентинская антимилитаристская

ассоциация.

В 1930 г. членские взносы в ФОРА уплачивали 40 тысяч человек. Однако в действительности в ее работе участвовало в три раза больше трудящихся [50].

Во второй половине года в стране стало ощущаться воздействие мирового экономического кризиса. Федерация призвала ответить на него введением 6-часового рабочего дня. В условиях кризиса правящие слои не могли больше терпеть подъем рабочего движения. 6 сентября 1930 г. армия совершила военный переворот и установила в стране военную диктатуру во главе с генералом Урибуру [51]. Официально путч был направлен против правительства радикала Иригойена, защищать которого у ФОРА не было никаких оснований.

Переворот застал аргентинских анархистов врасплох. «Движение ФОРА и анархисты в целом, — признавалось в заявлении Секретариата Американской континентальной ассоциации трудящихся (АКАТ), объединявшей анархо-синдикалистов Латинской Америки, — не отреагировало на сложившуюся ситуацию однородно. Эта однородность в оценке возникла позднее, когда удары диктатуры начали разрушать наше движение. Отсюда проистекало отсутствие непосредственного действия перед диктатурой с целью предотвратить ее, или когда она еще не успела консолидироваться. В целом анархистское движение реагировало на конфликт, приведший к нынешней ситуации, с абсолютной отстраненностью». Причем у одних это была отстраненность пассивная (полное отсутствие какой-либо реакции), у других — «активная». Последнюю Секретариат АКАТ характеризовал как «желание действовать собственными силами, поиск поддержки со стороны трудящихся масс» для предотвращения диктатуры. Соответствующие декларации делали ФОРА и издатели «Ла Протеста». Как бы то ни было, организовать единую эффективную коллективную акцию не удалось [52].

Новые власти нанесли тяжелейшие удары по рабочему движению. Было немедленно введено военное положение и смертная казнь за воровство. Либертарное движение не сумело оказать эффективное сопротивление и было рассеяно.

Все либертарные газеты были запрещены; особо жестокие меры были приняты против «Ла Протеста». Уже сентября номер газеты был конфискован, помещения заняты войсками, а издание закрыто. В конце сентября выпуск газеты удалось возобновить, но он продолжался только три дня. Члены редакции были арестованы, однако сторонники продолжали распространение. 10 октября газета была закрыта снова. После этого ее стали издавать как нелегальный еженедельник. «С отсутствием ежедневной газеты, — отмечал Секретариат АКАТ, — был нанесен удар по внутреннему единству нашего рабочего и анархистского движения. Отсутствовала необходимая связь... Наше движение до известной степени стало расплывчатым и бессвязным» [53]. Позднее издание «Ла Протеста» перенесли в соседний Уругвай. Помимо «Ла Протеста», власти закрыли и другие анархистские издания, включая «Ла Анторча».

Убийства активистов ФОРА начались сразу же после переворота. Через два дня после путча в Росарио был арестован и «исчез» известный анархист Хоакин Пенише: в действительности он был убит. В те же дни печать сообщала о расстреле в Росарио трех анархистов.

5 и 6 октября 1930 г. начались массовые аресты рабочих активистов ФОРА, которые затем продолжались ежедневно. Сотни членов организации были арестованы, помещения рабочих союзов закрыты. Среди задержанных оказались члены Федерального совета и Совета Федерации Буэнос-Айреса, органов отдельных союзов. Систематические обыски и облавы не прекращались месяцами. 90 задержанных поместили на военный корабль «Патагония». Арестованы были секретарь АКАТ Мануэль Вильяр и казначей Беренгер. Другой секретарь АКАТ Д. Абад де Сантильян смог укрыться в Уругвае [54].

Воспользовавшись установлением диктатуры и разгромом рабочих организаций, предприниматели уволили 2 тысячи металлистов. Нелегальный временный совет столичной организации ФОРА, созданный вместо арестованного Совета, объявил 7 октября о проведении 24-часовой всеобщей стачки протеста, ставшей первым выступлением против военного режима. Несмотря на огромные организационные и информационные трудности, к выступлению присоединились шоферы, кучера, все работники транспорта (кроме водителей трамваев), докеры и небольшое число строителей. Профсоюз докеров УСА заявил о выходе из реформистского профобъединения и заключил соглашение с ФОРА [55].

Сразу после стачки военный режим приступил к массовой ссылке рабочих активистов. 40 человек были изгнаны из страны. Лино Барбетти и Тулио Кардамоне были депортированы в фашистскую Италию. Среди высланных были члены Федерального совета ФОРА, Совета АКАТ, редакции «Ла Протеста», такие видные активисты, как Херонимо Родригес, Авелино Лопес, Флорентино Карвальо, Рамон Кахидс, Эдмундо Вендрель, Томас Гарсиа, Хулио Стефани, Альварсс Нието, Эдуардо Васкес, Хуан Карраско, Хосе Менендсс, Мануэль Сервиньо, Мануэль Ортега, Франсиско Диас, Рохелио Лопес, Томас Фрейре, Телесфоро Мартин, Хосе Боррего, Мануэль Гонсалес, Пабло Эрреро, Рамиро Мендсс, Теофанос Собрино, Антонио Родригес, Мануэль Бритос, Хорхе Рей Вильяльба, Сильвестре Агра, Аурелио Эрнандес и др. [56]. Сосланных нередко убивали в местах ссылки. Только в ссылке в Ушуае (Патагония) с 7 октября 1930 г. по 19 февраля 1932 г. были убиты не менее 17 заключенных.

21—22 октября 1930 г. подпольный Федеральный совет ФОРА попытался организовать общенациональную всеобщую стачку; наиболее активно в ней участвовали снова шоферы и докеры. К выступлению примкнули независимые профсоюзы и даже коммунисты. Рабочим удалось полностью парализовать порт столицы и передвижение по реке Рио-дс-ла-Плата. В Мар-дсль- Плата стачка оказалась полной, в Байя- Бланке и Санта-Фе ее поддержало множество трудящихся. Ответом стали новые массовые аресты в столице, СантаФе, Байя-Бланке и Мар-дель-Плата [57]. 6 декабря 1930 г. на улицах столицы произошли вооруженные столкновения между рабочими и полицией. Арестованные рабочие были приговорены к смерти, но позднее приговор был заменен на каторжные работы [58]. Прошли студенческие стачки в Буэнос-Айресе, Ла-Плате, Кордове и Росарио, демонстрации женщин [59].

Власти поставили перед собой задачу «полностью уничтожить ФОРА» [60]. Напротив, реформистские профсоюзы пользовались снисходительным отношением со стороны военной диктатуры.

Уругвайское либертарное рабочее движение: между анархизмом и синдикализмом

1923-й стал годом официального раскола уругвайского синдикализма. «Анархо-диктатурщики», коммунисты и реформисты договорились созвать собственный конгресс. К нему примкнули «Комитет рабочего единства», Федерация моряков, ряд автономных профсоюзов и союзов, вышедших из Уругвайской региональной рабочей федерации (ФОРУ) СмЦИИ МАТ. Были разработаны два проекта статута синдикалистский и другой, который защищали сторонники Профинтерна и коммунистов [63]. На конгрессе в Монтевидео 19—23 сентября 1923 г. разгорелась острая борьба между «анархо-диктатурщиками» и коммунистами: каждое из течений стремилось провести свою идеологическую линию. С незначительным большинством победили первые [62]. «Органическая хартия» УСУ закрепляла основные положения революционного синдикализма: пункт о непримиримости классовых интересов работников умственного и физического труда, с одной стороны, и буржуазии, с другой; представление о рабочих союзах как единственной форме борьбы с капитализмом и государством и как организации, призванной их заменить; признание прямого действия в качестве единственного метода борьбы; ориентация на осуществление социальной революции, экспроприации капитала и свержение государства; категорический отказ от контактов с политическими партиями и подчинения их руководству, а также от любого участия в выборах; определенная степень автономии местных организаций и отсутствие оплачиваемых функционеров. В то же время, в соответствии с воззрениями «анархо-диктатурщиков», в документе признавалась идея экономической и политической власти профсоюзов на «переходный период». Он понимался как «период революционной борьбы между двумя классами, которые оспаривают друг у друга право управлять судьбами общества». Сам термин «диктатура пролетариата» в тексте отсутствует, но явно подразумевается, как явствует, к примеру, из следующих строк: «...трудящийся масс должен завоевать и удержать господство над паразитическим классом, осуществляя свои принудительные функции синдикально организованного класса до тех пор, пока буржуазия не будет убеждена в необходимости трудиться, если она хочет есть...». Носителем такой предполагаемой «диктатуры пролетариата» выступала, разумеется, не партия, а профсоюзы. Конгресс УСУ постановил сохранять автономию профцентра в международном профдвижении и поддержал предложение французских синдикалистов на Учредительном конгрессе МАТ об установлении международного единства революционных рабочих союзов [63]. В 1924 г. в УСУ числились 47 профсоюзных организаций [64]. По некоторым данным, в нем состояло около пяти тысяч членов [65].

Характерной чертой рабочего движения Уругвая в 1920—1930-х годах был низкий уровень официального членства в профсоюзах. Из 350 тысяч наемных работников в профсоюзах состояло и регулярно уплачивало взносы около семи тысяч, однако реальное влияние этих организаций выходило далеко за рамки формального членства и позволяло устраивать крупные забастовки. В идейно-политическом отношении профсоюзное движение

разделилось на четыре основных течения, сопоставимых по своим силам. В 1923 г. под влиянием «анархо-диктатурщиков» находилось 26 небольших профсоюзов (строителей, швейников, кожевников, деревообделочников, муниципальных рабочих, транспортников, столящиков и др.) с 1950 членами. Коммунисты контролировали 30 профсоюзов (транспортников, кожевников, полиграфистов, табачников, строителей, санитарных работников, пищевиков, стекольщиков, почтово-телеграфных работников, деревообделочников и др.), в которых состояло 3250 человек. В состав ФОРУ в 1923 г. входило пять профсоюзов, три из которых были сравнительно крупными (Объединенный синдикат работников автомобильной отрасли с 600 членами, пекарей с 600 членами и металлистов со 100 членами); всего в них состояло 1450 членов. Наконец, имелось три «нейтральных» профсоюза (пищевиков, транспортников и строителей) с 510 членами. К 1926 г. положение существенно не изменилось: 27 профсоюзов «анархо-диктатурщиков» с 1900 членами, 32 прокоммунистических профсоюза с 2990 членами, 6 союзов ФОРУ с 1230 членами (650 пекарей, 500 работников автомобильной отрасли, 2 профсоюза строителей с 50 членами и т.д.) и 7 независимых с 950 членами. За три года произошли лишь небольшие перемены: союз металлистов, ранее входивший в ФОРУ, стал независимым, «анархо-диктаторский» профсоюз деревообделочников распался, а руководство организации почтово-телеграфных работников перешло от коммунистов к «диктатурщикам» [66].

Все союзы, находившиеся под контролем «анархо-диктатурщиков», и большая часть прокоммунистических союзов входили в состав УСУ, который был, таким образом, крупнейшим профцентром Уругвая. Однако он раздирался острой внутренней борьбой. В сообщении автономных профсоюзов Уругвая Всероссийскому центральному совету профсоюзов в 1927 г. отмечалось, что УСУ находится в состоянии «постоянного противоборства, постоянной настороженности, постоянного недоверия» [67]. Руководство в УСУ принадлежало «анархо-диктатурщикам», которые в 1923 г. заняли все места в Центральном комитете объединения, кроме одного. Они отказались принять в состав профобъединения 8 профсоюзов из числа тех, которые находились под контролем коммунистов [68].

С 1924 г. противоборство между «анархо-диктатурщиками» и коммунистами в УСУ нарастало. Первые по-прежнему отказывались принять в профобъединение некоторые прокоммунистические профсоюзы и исключили ряд других. ЦК компартии организовал в 1925 г. две встречи с участием лидеров ЦК УСУ, но согласия достичь не удалось. Коммунисты были недовольны также тем, что в УСУ действовал принцип голосования по профсоюзам, а не по количеству их членов, что лишало их возможности добиться большинства [69]. Они протестовали против недопущения на собрания и конференции профобъединения активистов, выдвинутых кандидатами от компартии на парламентских и муниципальных выборах (такая практика соответствовала антипарламентским и внепартийным принципам УСУ). В адрес ЦК УСУ выдвигались также обвинения в отказе поддержать ряд выступлений прокоммунистических профсоюзов (например, организованный союзом рабочих мельниц бойкот фирмы [70]).

Чтобы сплотить свои силы в рабочем движении, коммунисты созвали 10—16 ноября 1927 г. в Монтевидео конференцию, на которой учредили «Блок рабочего единства» (БРЕ) во главе с генеральным секретарем Э. Гомесом. Встреча проходила по ИНИЦИАТИВЕ Федерации

моряков и собрала 30 профсоюзов. К концу декабря 1927 г. в БРЕ состояли уже 32 профсоюза. Блок потребовал, чтобы руководство УСУ считалось с делегатами от профсоюзов, созвало новый конгресс с участием всех союзов, воючая находящихся под влиянием компартии. БРЕ намеревался вести борьбу за «единый пролетарский фронт» и единство профдвижения как в национальном, так и в общемировом масштабе, пропагандируя при этом «принципы и тактику Профинтерна» [71]. Часть профсоюзов БРЕ входила в состав УСУ, другие являлись автономными, но добивались приема в ряды профобъединения. В начале 1928 г., по утверждению компартии, в этих союзах насчитывалось около 4800 членов [72].

Острый конфликт существовал и между УСУ и ФОРУ. УСУ оспаривал положение ФОРУ в МАТ, заявлял, что «согласен» с МАТ, хотя и не присоединяется к ней, чтобы не подрывать «единства» мирового рабочего движения. В свою очередь, ФОРУ называла соперников «столь же хамелеонской и клеветнической организацией, что и ее сестра УСА» в Аргентине, прибежищем предателей и «ренегатов от анархизма», «анархо-диктатурщиков» и «коммунистов-государственников» [73]. Профсоюзы строителей и маляров ФОРУ исключив из своих рядов меньшинство сторонников УСУ [74]. Между членами профсоюзов различной ориентации вспыхивали даже физические столкновения. В 1925 г. Центральная хунта Объединенного синдиката работников автомобильной отрасли исключила из рядов союза коммуниста Фрериа. Компартия созвала открытое собрание для обсуждения инцидента, в митинге приняли участие и ведущие анархистские активисты профсоюза. Словесные дебаты переросли в стрельбу, один из рабочих был ранен. Синдикат автомобильной отрасли отказывался поддержать бойкоты фирм, объявленные сторонниками коммунистов, и т.д. Коммунисты обвиняли руководство УСУ в том, что оно не оказывает достаточной помощи товарищам, столкнувшимся с нападками со стороны членов ФОРУ [75]

Оставшись в меньшинстве, ФОРУ продолжала проводить рабочие выступления. 1 мая 1923 г. в ходе демонстрации в Монтевидео при столкновении с полицией был убит один рабочий. Хотя ФОРУ не участвовала в этой акции, она призвала к проведению всеобщей стачки протеста против полицейских репрессий. Выступление имело успех. В том же месяце федерация организовала еще одну всеобщую стачку против выдачи Аргентине анархиста Рамона Сильвейры. Но предотвратить выдачу не удалось [76].

В 1925 г. власти Уругвая попытались провести закон о создании государственных профсоюзов по примеру фашистской Италии. Был принят антизабастовочный закон. Власти использовали его для подавления анархистского рабочего движения. В мае два члена союза работников автомобильной отрасли ФОРУ Альфредо Типа и Ф.Серон были приговорены к 17 годам тюрьмы за участие в забастовке в 1921 г., а пекарь Анхель Корбан — к 5 годам тюремного заключения. ФОРУ призвала к солидарности с рабочими, осужденными в соответствии с новым законом [77].

В период 1925—1927 годов, по информации ЦК компартии, произошло 35 стачек и локаутов, затронувших 2700 работников. Из них 26 трудовых конфликтов (2, 1 тыс. участников) возглавлялись коммунистами, 4 — «анархо-диктатурщиками» (300 участников), 3 — ФОРУ (200 участников) и 2 нейтральными профсоюзами (150 участников) [78]. Эти выступления носили частичный характер. Весной 1927 г. после того, как власти прибегли к репрессиям

против союзов пекарей и автомобильной отрасли, закрыли их помещения и произвели аресты ряда рабочих активистов, ФОРУ провозгласила 8 апреля всеобщую стачку, которая продолжалась 3 дня. Она имела лишь ограниченный успех, поскольку многие отрасли продолжали работать. УСУ ограничился тем, что провел 9 апреля собственную 24-часовую всеобщую забастовку, независимо от ФОРУ. Синдикалистам также не удалось добиться полного прекращения работы. Не прекратилась подача электроэнергии и воды, были открыты кафе, рестораны, торговые точки, ходили поезда и частично трамваи. К забастовочным выступлениям примкнули работники автомобильной отрасли, обувщики, деревообделочники, табачники, портовики, возчики, мельники, строители, каменщики, маляры, портные и ряд других категорий трудящихся [80].

К концу 1920-х годов отношения между анархистским крылом УСУ и коммунистами обострились настолько, что дело дошло до открытого раскола. Несмотря на провозглашенный нейтралитет в вопросах международной ориентации, Синдикальный союз все больше отдалялся от Профинтерна, считая теперь, что «это то же самое, что и Профцентр отклонил приглашение советских профсоюзов прислать делегацию на празднование 10-летия Октябрьской революции 1917 г. в Москву. Автономные профсоюзы направили анархиста Кастрильехо, который написал затем восторженные отзывы о советском режиме — к большому удовлетворению уругвайских коммунистов. Последние сообщали в Москву, что эти репортажи принесли больше пользы, чем если бы их написал коммунист [82]. Аналогичный кризис возник и в связи с вопросом о посылке делегации на IV конгресс Профинтерна. ЦК УСУ объявил текст приглашения фальшивкой коммунистов и постановил, что ни один из профсоюзов, входящих в профобъединение, не должен печатать свои материалы в коммунистической газете «Хустисиа». В ответ компартия поручила профсоюзу коммунальных рабочих УСУ, находившемуся под ее контролем, собрать конференцию меньшинства, на которую собрались восемь профсоюзов из Монтевидео, объединявших 2900 членов. Она направила на конгресс Профинтерна известного анархиста Хуана Льюрку, также выступившего как апологет советского режима. После его возвращения в Уругвай коммунисты организовали ему поездки по стране [83].

Терпению анархистов в Синдикальном союзе пришел конец. 28 января 1928 г. конференция профобъединения потребовала распустить «Блок рабочего единства». Профсоюзам, входящим одновременно в УСУ и в БРЕ, было предложено в шестимесячный срок выйти из блока. В противном случае они подлежали исключению из УСУ [84]. ЦК компартии осудил предъявленный ультиматум и, со своей стороны, предпринял тактический маневр. Руководство партии объявило, что оно согласно на роспуск БРЕ, но при выполнении ЦК УСУ ряда условий: приема в профобъединение всех желающих союзов, «урегулирования» положения профсоюзов меньшинства, имеющих задолженности по членским взносам, признания за профсоюзами права на критику, пропаганду, а также избрание в качестве делегатов тех лиц, которых они сочтут нужным, и прекращения их «преследования за политические убеждения», введения системы «самой широкой рабочей демократии» и искоренения «всякого сектантства в руководстве УСУ» [85]. По существу, Синдикальный союз должен был отказаться от антипарламентских и внепартийных принципов и допустить в свои ряды все прокоммунистические союзы, превратившись в орудие коммунистической партии. Разумеется, эти требования были совершенно неприемлемы, и коммунисты это прекрасно понимали, именно поэтому они и выдвинули эти положения. В отчете

Профинтерну от 6 марта 1928 г. ЦК Компартии Уругвая подчеркивал: «Если бы мы предполагали хоть малейшую возможность того, что вожди УСУ согласятся на наше предложение, мы бы никогда его не сделали... Но наше вышеприведенное предложение позволяло нам припереть сектантских вождей к стене» 86 Коммунисты рассчитывали принудить синдикалистов и анархистов из руководства профцентра ИСОЮЧИТЬ из профобъединения не только прокоммунистические, но и колеблющиеся союзы (такие, как союзы табачников, служащих гостиниц, официантов и поваров [87]). Выдвинутые условия самороспуска одобрила и конференция БРЕ. Однако печатный орган УСУ отверг их. В марте 1928 г. конференция профцентра постановила ИСКЛЮЧИТЬ 12 профсоюзов БРЕ, которые входили в состав или добивались приема в профобъединение. В них состояло более 3 тысяч членов. Было решено также принять меры, чтобы не допустить возвращения исключенных в УСУ [88]. После этого в профцентре оставалось около 2,3 тысячи членов, но положение УСУ оставалось неустойчивым. Опорой анархистов и синдикалистов служили объединенный союз швейников, союз шляпников и небольшие союзы каменотесов. Союз табачников склонялся к БРЕ, союз полиграфистов избрал коммунистическое руководство, союз поваров выступал против раскола. Сравнительно крупный союз служащих гостиниц (400 членов) колебался, но склонялся в сторону анархистов. «По тактическим соображениям» коммунисты не спешили с оформлением собственного профобъединения. Они призывали ЦК УСУ «восстановить профсоюзное единство», а входящие в него профсоюзы — протестовать против раскола [89].

ЦК УСУ в изданном им манифесте «к союзам и пролетариату» отверг аргументы и обвинения коммунистов, обвинив их в злоупотреблении «долготерпением» и «альтруизмом» УСУ, сектантстве, «агрессивных» попытках захватить организацию и навязать ей партийную линию и руководство профессиональных политиков, а также в саботаже акций и мероприятий профцентра. Синдикальные группы, созданные компартией внутри профсоюзов, «господствовали в них, как хозяева и сеньоры», говорилось в манифесте. Они «никогда не стремились к тому, чтобы оказать помощь вдохновляемым ими союзам какому-либо делу, представлявшему коллективный интерес», и помогали только своим сторонникам. Единственное, чем занимались прокоммунистические союзы, — это установление «материальной взаимосвязи» между партией и профцентром [90]. Попытки компартии перетянуть на свою сторону синдикалистов продолжались более года. Только в 1929 г. сторонники компартии создали Всеобщую конфедерацию труда Уругвая.

Чем больше становилось отчуждение между коммунистами и лидерами синдикалистского УСУ, тем отчетливее намечалось сближение между ФОРУ и УСУ, также заявлявшем о том, что он стоит на почве МАТ Союз работников автомобильной отрасли в 1928 г. проводил свои собрания в помещениях УСУ [91]. К союзу с ФОРУ синдикалистов подталкивали конфликты с компартией и глубокий кризис их профобъединения, которое к августу 1925 г. потеряло до 4070 своих членов, в январе 1927 г. — профсоюзы пекарей и мозаичников, а в 1928 г. — прокоммунистические союзы. По инициативе анархистского союза пекарей и несмотря на противодействие коммунистов в 1928—1929 гг. велись переговоры об объединении ФОРУ и УСУ. Было достигнуто соглашение о создании единой «Уругвайской рабочей синдикальной федерации». Новое объединение должно было принять Декларацию принципов, соответствующую аналогичным документам МАТ и АКАТ. Однако в итоге объединение не состоялось [92].

Число членов ФОРУ росло. Если в 1928 г. в федерации насчитывалось 14 профсоюзов с 2240 членами (в УСУ было в это время 23 синдиката с 3960 членами), то в 1929 г. ее численность возросла до 3,5 тысяч [93], а в 1930 г. — до 6 тысяч [94]. В 1929 г. в результате раскола прокоммунистического профсоюза строителей часть его членов образовала новый союз, вступивший в ФОРУ. Между анархистами и коммунистами нередко вспыхивали насильственные столкновения. Так, в 1929 г. коммунисты попытались разрушить сильный анархистский союз работников автомобильной отрасли (в него входили 5 секций — шоферов, мойщиков машин, кузовщиков, служащих как таковых и механиков). В ходе конфликта в автобусной фирме «Эль Десеадо» произошло столкновение между анархистами и коммунистами. Были убиты член ФОРУ Артуро Моралес и коммунист Э. Оспера, который выступил в качестве штрейкбрехера и донес на активистов ФОРУ как на участников акции саботажа. Три члена ФОРУ (Сиснерос, Кербис и Ойнэнард) были арестованы в связи с этим инцидентом и обвинены в убийстве. В тюрьме их подвергали пыткам [95].

Несмотря на то что в Уругвае существовал демократический режим, власти нередко прибегали к репрессиям против анархистского рабочего движения. В 1930 г. член ФОРУ А. Типа был приговорен к 15 годам тюремного заключения. Тем не менее организация продолжала активную работу. В знак протеста против приговора к смертной казни трех анархистов, обвиненных в убийстве коммуниста в 1929 г., ФОРУ и УСУ объявили всеобщую стачку в годовщину независимости страны. Были полностью парализованы промышленность и строительство, не выходили газеты, остановился почти весь транспорт, кроме трамваев. В итоге смертная казнь была заменена на длительное тюремное заключение сроком на 4—6 лет [96].

К началу 30-х годов рабочее движение в Уругвае было третьим по своей силе после Аргентины и Бразилии. Рабочие-анархисты активно участвовали в выступлениях солидарности с К. Вил ькенсом, Сакко и Ванцетти, С. Радовицким. В течение 1930 г. ФОРУ организовала ряд серьезных стачек. В ходе их часто возникали столкновения между бастовавшими рабочими и штрейкбрехерами. ФОРУ вела также активную устную и печатную анархистскую пропаганду. В конце 1930 г. движение в Уругвае получило крупное пополнение за счет беженцев из соседней Аргентины, где произошел военный переворот [97]. В стране был создан Комитет борьбы против милитаристской реакции в Аргентине и угрозы установления военного правления в Уругвае. В него вошли ФОРУ и УСУ, входящие в них Союз объединенных автомобильных рабочих, союз выработки железа и железокузнечных инструментов, союз кузнецов, объединенные профсоюзы поваров, помощников и чернорабочих, объединенные союзы гравировщиков клише и печатников, союз каменнопаркетчиков, союз водопроводчиков, три профсоюза пекарей, союз по проводке парового отопления, союз изготовителей каменных и погребальных монументов; а также самостоятельные профсоюзы и профсоюзное объединение известки и глины, анархистские группы «Прогресс», «Уверенность», Италоязычные анархистские группы, Объединение анархистских групп борьбы за прогресс, Федерация российских рабочих организаций Южной Америки, Центр женской культуры, Студенческий центр, Федерация объединенных студентов провинциальных городов, Федерация студентов юриспруденции и Федерация университетских преподавателей [98].

Уругвайская региональная рабочая федерация выступала в идейном плане с тех же позиций, что и ФОРА. После того как в 1930 г. штаб-квартира АКАТ была переведена в Монтевидео, а ФОРА была в значительной мере парализована правительственным террором, ФОРУ начинает играть наиболее активную роль в отстаивании «фористских» принципов внутри международного либертарного движения трудящихся.

Попытки объединения бразильских анархо-синдикалистов

Правительство президента Артура Бернардиса (1922—1927 гг.) обрушило на анархистов и анархо-синдикалистов волну преследований. После военных восстаний в июле 1922 г. в форте Копакабана и в июле 1924 г. в Сан-Паулу (в последнем участвовали в индивидуальном порядке некоторые анархисты) мишенью государственных репрессий становились как оппозиционные военнослужащие и коммунисты, так и либертарики. К 1930 г. более тысячи анархистов без всякого суда и следствия были убиты и похоронены в концлагере Ояпоки (территория Амапа) 99. Многие другие были высланы из страны. Тем не менее анархистское и рабочее движение удерживало свои позиции. В 1922—1929 годах в забастовках участвовали 100—150 тысяч человек 100 Многие из них поддерживали либертарию и связанные с ними профсоюзы.



В Рио-де-Жанейро анархо-синдикализм переживал спад после поражения осенью 1918 г. Многие рабочие разочаровались в профсоюзах и покинули их. Союз рабочих текстильной промышленности, который в 1918 г. находился под влиянием анархистов, перешел под контроль реформистов, не имевших определенной идейной ориентации. Его численность резко сократилась — с 29 тысяч членов до 1 тысячи в 1923 г. [101]. Однако анархо-синдикалисты продолжали работу, отстаивая самостоятельность рабочего движения и его независимость от политических партий. Они выступали на общих собраниях представителей рабочих организаций против предложений коммунистов о создании «единого фронта» [102].

В 1923 г. оформилась анархо-синдикалистская Рабочая федерация Рио-де-Жанейро. Коммунистическая группа пыталась установить в ней свой контроль, но не добилась успеха и откололась [103].

Наиболее мощным среди профсоюзов, входивших в Рабочую федерацию Рио, был Союз рабочих гражданского строительства. Он провел в 20-е годы целый ряд экономических и социальных выступлений, сопровождавшихся острой борьбой с предпринимателями и правительством. Так, организованная им забастовка солидарности с сапожниками продолжалась 42 дня и парализовала всю строительную отрасль. Рабочая федерация Рио была активна и в ряде других экономических конфликтов. Власти отвечали на рабочие выступления введением чрезвычайных законов: профсоюзы запрещались, активисты подвергались арестам и ссылкам [104].

Анархо-синдикалисты возглавляли выступления шахтеров в первой половине 20-х годов. В марте 1924 г. интернациональный трудовой коллектив шахтеров (испанцы, немцы и др.) шахты Аррику ди Рату около Жераниму решил создать свой профсоюз. Один человек был арестован. После митинга мая были уволены несколько членов Рабочей федерации. В ответ шахтеры начали стачку, потребовав также повышения зарплаты на 25%. Власти прибегли к репрессиям: 100 рабочих были высланы в Порту-Алегри (штат Риу-Гранди-ду-Сул), 50 человек связаны и отправлены работать насильно. В Порту-Алегри прошли массовые митинги протеста. 6 июня выступление рабочих было подавлено [105]. 12 июня по инициативе шахтеров началась всеобщая стачка в Жуис-ди-фора (штат Минас-Жерайс). В ней приняли участие 3 тысячи трудящихся. Вся жизнь в городе была парализована. Власти направили войска против бастующих и распорядились арестовать активистов, включая секретаря федерации шахтеров Г. ди Карвалью. Добиваясь его освобождения, рабочие блокировали движение транспорта и сумели добиться выполнения своих требований [106].

В 1924 г Рабочая федерация Рио-де-Жанейро планировала начать издание ежедневной газеты, чтобы способствовать объединению рабочего класса Бразилии в единую организацию на принципах МАТ [107]. с которой федерация поддерживала контакты, намереваясь вступить в анархо-синдикалистский Интернационал [108]. Анархо-синдикалисты из Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Риу-Гранди-ду-Сул и других регионов решили направить на конгресс МАТ делегата Карлуша Диаша, но этот план так и не был осуществлен [109].

Росту анархо-синдикалистского движения помешали новые преследования после военного мятежа в июле 1924 г. — полицейские репрессии, обыски в помещениях профсоюзов [110] «В Рио-деЖанейро и Сан-Паулу... правительственные войска убили множество активных товарищей, других выслали из страны...» — сообщал Д. Абад де Сантильян [111].

В июле 1924 г. в Рио-де-Жанейро были арестованы анархисты Николау Парадас, Домингус Пассус, Жозе Алвис ду Насименту, Антониу Алвис, Домингу Брас и другие; они были сосланы в Ояпоки. В 1925 г. в этой ссылке скончались Жозе Мария Фернандис Варелла, Ж. АЛВИС, Н. Парадас, М. Мартиас. Пять сосланных были освобождены. К началу 1926 г. в ссылке оставались шесть анархистов — М. Феррейру Гомис, Т.Д. Броше, Жозе Баптиста да Силва, Биофило Панкласта, Педру Агусту да Мотту Нину Мартинс, А. Салгаду. К концу 1929 г.

умерли также Ж. Б. да Силва и ПА. да Мотту. Многие анархисты и синдикалисты были высланы в Уругвай, Испанию, Италию, Португалию и другие страны [112]. Воспользовавшись ослаблением революционного синдикализма, вновь попытались распространить свое влияние КОММУНИСТЫ [113]. Они продолжали издавать легальную газету в Рио-де-Жанейро, хотя синдикалистам в этом было отказано.

В 1925 г. анархо-синдикалистское движение в таких крупнейших центрах, как Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, оставалось подавленным. «Неограниченно властвует реакция», — констатировал бюллетень МАТ. Виднейшие анархисты Рио (Жозе Ойтисика и другие) находились в заключении. Многие были сосланы на Север страны или на остров Тринидад [114]. Лишь в южном штате Риу-Гранди-ду-Сул отмечалось оживление синдикалистских организаций, а коммунисты не пользовались существенным влиянием. Здесь продолжала действовать анархо-синдикалистская Рабочая федерация Риу-Гранди-ду-Сул. Многие из состоявших в ней рабочих были переселенцами из Германии. В начале 1925 г. в федерации насчитывалось 2380 членов. В нее входили Рабочая федерация Порту-Алегри (1 тысяча трудящихся, из них 600 пекарей, 200 сапожников, 100 работников гостиниц, 60 членов межпрофессионального союза и 40 членов немецкой секции), шахтеры Сан-Жерониму (200 человек), Рабочая лига Пелотаса (200 человек), немецкий Всеобщий рабочий союз Риу-фанди-ду-Сул (200 членов), рабочий союз Баже (300 членов), союз сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян Боа- Виста и окрестностей (400 членов), немецкая Группа свободных рабочих Жиньи (80 человек). К федерации примыкал еще ряд групп немецких колонистов. Численность организации снизилась в результате репрессий после 1923 г.; в 1924 г. были потеряны связи с единомышленниками в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, где анархо-синдикалистские организации подверглись разгрому. Немецкоязычная еженедельная анархо-синдикалистская газета «Дер Фрайе Арбайтер» в Порту-Алегри с КОНЦа 1924 г. подвергалась преследованию цензуры, а в начале 1925 г. была запрещена. Был запрещен и выпуск газеты «Трабалью» на португальском языке (вышел один номер). С 1 марта 1925 г. анархо-синдикалисты начали издавать бюллетень «У Синдикалиста». Лишившись контактов с анархистами из других районов страны, Рабочая федерация Риу-Гранди-ду-Сул на собрании делегатов 8 февраля 1925 г. единогласно постановила присоединиться к МАТ [115].

В 1925 г. в Порту-Алегри образовались два новых профсоюза — портных (80 членов) и рабочих лесопильной промышленности (60 членов). Союз моряков внутренних вод имел свои отделения в нескольких городах штата — Порту-Алегри (200 членов), Риу-Гранди (400 членов) и Пелотас (100 членов) при общем числе 5000 работников, занятых в отрасли. В Капон-Лионе возник профсоюз каменщиков (200 членов), также присоединившийся к Рабочей федерации штата. Готовилось создание профсоюза металлистов. Рабочая федерация в Порту-Алегри примыкала к Международному антимилитаристскому бюро и создала антимилитаристский комитет, который подготовил проведение «антимилитаристской недели» в августе 1925 г. [116].

27 сентября — 2 октября 1925 г. прошел 3-й рабочий конгресс Риу-Гранди-ду-Сул. Присутствовали делегаты от 23 рабочих организаций, а также Комитета помощи социальным заключенным и двух журналов. Были одобрены Декларация принципов МАТ и создание «пакта международной анархистской солидарности» [117]. Большое внимание

было уделено борьбе с влиянием коммунистов в профсоюзах [118]

В связи с тем что вербовщики в Европе приглашали рабочих стекольной промышленности ехать работать в Бразилию, бразильские анархо-синдикалисты предупреждали европейских трудящихся о реальных условиях труда в их стране и призывали рабочих к осторожности [119].

К началу 1928 г. анархо-синдикалистам удалось воссоздать организации в различных штатах страны. В Риу-Гранди-ду-Сул успешно действовала Рабочая федерация штата; реформистские профсоюзы практически отсутствовали. В подпольном 4-м рабочем конгрессе приняли участие делегаты от 16 организаций трудящихся, 2 журналов, 6 анархистских групп, множество активистов из СанПаулу, бежавших в этот штат (Флорентину ди Карвалью, Домингус Пассус и др.), и наблюдатели из Уругвая, Парагвая и Аргентины [120].

В Порту-Алегри синдикалистский профсоюз каменщиков объединил до 8070 работников отрасли, было создано новое отделение в Тристеса. Союз пекарей организовывал крупные собрания и митинги. 4070 рабочих-металлистов состояли в революционно-синдикалистском профсоюзе. Ему удалось выиграть забастовку на фирме «Кампани» и развернуть кампанию за улучшение гигиены труда. Восстанавливал работу профсоюз строителей, организовавший движение за 8-часовой рабочий день, против сверхурочного труда. Анархо-синдикалисты смогли создать профсоюз печатников, присоединившийся к местной федерации [121].

В Сан-Паулу, где после военного восстания в 1924 г. было объявлено о роспуске профсоюзов, реформистам и коммунистам долго не удавалось восстановить свое влияние, а к концу 1920-х годов наметилось некоторое оживление анархо-синдикалистов. В Белене (штат Пара) действовал ряд профсоюзов, заявивших о присоединении к МАТ, и независимые организации. Несколько анархо-синдикалистских союзов имелось также в Белу-Оризонти (штат Минас-Жерайс) и в штате Парана. Удалось возродить Рабочую федерацию Рио-деЖанейро: ей приходилось сосуществовать с прокоммунистической Региональной рабочей федерацией, возглавлявшейся бывшими анархистами О. Бранданом и М. ди Оливейрой, а также реформистскими профсоюзами. Большая часть рабочих Рио оставалась неорганизованной [122]. Анархо-синдикалисты приняли активное участие в кампании солидарности с приговоренными к смертной казни в США анархистами Сакко и Ванцетти; ряд активистов движения был на некоторое время задержан.

1 января 1928 г. Рабочая федерация Риу-Гранди-ду-Сул созвала в Пелотас конгресс, на который пригласила рабочие организации со всей страны для создания общенациональной Бразильской региональной рабочей федерации [123]. Эта федерация признавалась МАТ в качестве ее бразильской секции; центр организации располагался в Баже (Риу-Гранди-ду-Сул) [124]. Бразильские анархо-синдикалисты вели энергичную кампанию за освобождение политзаключенных. Созданный в Рио-де-Жанейро комитет обратился к МАТ с просьбой распространить обращение к революционным рабочим Европы, в котором они призвали к бойкоту бразильских товаров. Анархо-синдикалисты Бразилии вновь предостерегали европейских рабочих от эмиграции в их страну, предупреждая их о том, что их заманивают в рабские или ненадежные условия [125].

В 1929 г., согласно годовому отчету Секретариата Интернационала, в Южной Бразилии организации МАТ действовали почти во всех городах и портах. Они издавали печатные органы на португальском, итальянском и немецком языках. Наиболее сильные синдикаты действовали в Рио-де-Жанейро: профсоюзы строителей, сапожников и других профессий объединялись в Рабочую федерацию, издававшую орган «Асан дирета». Основные выступления рабочих носили оборонительный характер. Только в Сан-Паулу состоялась крупная стачка книгопечатников. Однако участие организации МАТ в ней было слабым. Эта забастовка закончилась неудачей [126]. В целом союзы, входившие в анархо-синдикалистский Интернационал, действовали в 1929—1930 годах в шести штатах страны, включая Риу-Гранди-ду-Сул (2 тысячи членов, в том числе в Порту-Алегри, Пелотасе, Уругваяне, Баже и др.), Паране, Рио-де-Жанейро (4 тысячи членов) и др. [127].

Несмотря на этот прогресс, положение анархо-синдикалистского движения в Бразилии оставалось сложным. И не только из-за репрессий властей. Много сил уходило на противостояние со сторонниками компартии. Те проводили политику систематического проникновения в рабочие союзы, нападали на свободные профсоюзы (сапожников, строителей и т.д. в Рио-де-Жанейро). Коммунисты. Бастус и Г. Санчес убили анархиста-сапожника Антониу Домингеса, графика дамиана и ранили 12 человек [128]. В свою очередь, коммунисты обвиняли анархистов в нападениях на своих профсоюзных активистов, в публикации антикоммунистических статей в буржуазных газетах и даже в том, что они якобы обращались за помощью к полиции в борьбе со своими противниками из компартии. Летом 1926 г. бразильские коммунисты сообщали в Профинтерн о том, что Ойтисика призывал к союзу между анархистами и спиритуалистами-теософами, а Лойенрот, выступая на панамериканском конгрессе печати, выразил якобы согласие с мирными инициативами администрации США. Они утверждали, что анархист Карлуш Диаш представлял Бразилию на конференции Международной организации труда в Женеве, и обвинили анархистов в том, что на митинге 11 мая 1926 г. в Рио-де-Жанейро те взяли действия Диаша под защиту и помешали коммунистам критиковать его, спровоцировав арест коммунистического оратора [129].

Ситуация усугублялась расколами внутри самого анархистского движения. Индивидуалисты бичевали коллективистов, анархисты-коммунисты критиковали анархо-синдикалистов, предсказывая, что если синдикализм в конечном счете распространится, то появится «корпус профсоюзных функционеров, которые всю свою энергию направят на обустройство нового государства, и, как следствие, это будет содействовать новому экономическому неравенству наряду с неравенством политическим. На месте буржуазного класса возникнет класс функционеров» [130].

В октябре 1930 г. в Бразилии произошел переворот, организованный национал-реформистским «Либеральным альянсом» во главе с Жетулиу Варгасом. Часть анархистов (к примеру, Ойтисика) приветствовала его как «революцию» [131]. В комментарии бюллетеня МАТ эта позиция подверглась осуждению: было заявлено, что анархо-синдикалисты отвергают любые правительства [132]. Первое время после переворота революционное рабочее движение пользовалось большей свободой, чем при предыдущих режимах. Но такое положение существовало недолго. Уже вскоре новое правительство Варгаса установило жестокую диктатуру. Вначале еще могли действовать революционные профсоюзы прежде

всего в Риу- Грандиду-Сул и Сан-Паулу, но и их деятельность была существенно ограничена [133].

Чилийский анархо-синдикализм 1920-х ГОДОВ

Чилийские Индустриальные рабочие мира предварительно одобрили присоединение к Интернационалу революционных синдикалистов уже в начале 1923 г. [134]. На конгрессе ИРМ Чили, состоявшемся 15 марта 1924 г. в Сантьяго с участием местных федераций из Сантьяго, Вальпараисо, Тальки, Консепсьона и других городов, делегаты официально высказались за вступление в МАТ. В 1924 г. организация приняла анархо-коммунизм и радикально децентрализовала свою структуру. В то же самое время в стране действовал и ряд автономных профсоюзов, также симпатизировавших МАТ [135]. Многие анархистские профсоюзы хотя и сотрудничали с ИРМ, но не вошли в эту организацию, опасаясь утратить свою автономию. Одним из самых влиятельных был Союз сапожников, который также выступал за анархо-коммунизм.

Как и общества взаимопомощи, синдикалистские профсоюзы боролись не только за лучшие оплату и условия труда, но занимались также образовательной и культурной деятельностью, конструктивными развлечениями. Анархо-синдикалисты организовывали множество чтений, концертов, танцев, игр, спортивных мероприятий. Для распространения либертарной философии издавалось множество периодических изданий. Среди них были: «Верба роха», «Нумен», «Аксьон директа» (журнал ИРМ), «Мар и тьерра» [136].

В 1923 г. ИРМ организовали забастовки докеров в портах Вальпараисо и Сан-Антонио [137] В декабре 1923 г. прошла забастовка докеров в провинции Магальянес против увольнения товарищей; она завершилась успехом, несмотря на использование штрейкбрехеров [138]. В начале октября 1923 г. в Икике началось стачечное движение, закончившееся нападением полиции на помещение рабочих союзов и разгромом анархистского еженедельника «Эль Ссмбрадор». В ходе столкновения с полицией многие забастовщики были ранены. Против 33 человек было возбуждено судебное дело. Однако через несколько недель издание газеты было возобновлено [139].

В 1923— 1924 годах имела место волна полицейских провокаций, выразившаяся в подкладывании динамита в штаб-квартиры ИРМ в Икике и Сантьяго. Это было использовано для оправдания разгрома местных организаций [140].

Анархисты приняли активное участие в Ассамблее рабочих и интеллигентов марта 1925 г., на которую приехали 1200 делегатов со всей страны, включая представителей Рабочей федерации (ФОЧ), Федерации студентов, Союза служащих Чили, писателей Пабло де Рока, Антонио Асеведо Эрнандеса, Карлоса Видуэны Фуэнтеса, Хулио Барренечеа, Эухенио Гонсалеса. Была принята резолюция о Депарации принципов, предложенная анархистом Альберто Балоффетом и воючавшая пункты о коллективизации земли, абсолютном отделении церкви от государства, ликвидации постоянной армии, предоставлении права

голоса женщинам и равенстве политических и гражданских прав для обоих полов [141].

Число стачек достигло пика к маю 1925 г. Большинство из них было организовано анархистскими союзами, а не прокоммунистической ФОЧ. Так, рабочие шахты Марусиа в марте 1925 г., опасаясь бойни со стороны армии, защищались с оружием в руках и динамитом, убив 36 солдат. Это был один из случаев, когда рабочие перешли в наступление, а не просто были жертвами государственных репрессии 1—2 июня 1925 г. на рудниках Ла-Корунья происходило собрание рабочих селитряных копий, среди которых пользовались влиянием как коммунисты, так и анархисты во главе с Карлосом Гарридо. Собрание обсуждало вопрос о подготовке всеобщей забастовки против голода и увольнений; оно было разогнано полицией. В провинции Икике было введено чрезвычайное положение. Обстановка в Ла-Корунье обострялась, власти разгромили рабочую газету, арестовали и сослали многих рабочих активистов. Это стало сигналом к забастовке. Горняки, собравшиеся на митинг, решили захватить селитряные шахты Галисии и Ла-Коруньи и распределить запасы продовольствия среди голодающих рабочих семей. В ходе марша к управлению рудника рабочие подверглись нападению полицейских, убили двоих, захватили рудничную лавку и здание управления. Вооружившись динамитными шашками, они организовали круговую оборону. Были посланы войска с пулеметами и артиллерией. 4 июня по рабочим был открыт огонь. После того как сотни человек были убиты, горняки сдались и над ними была учинена расправа. Схваченных расстреливали (среди них был и К. Гарридо). Более тысячи захваченных в плен были размещены на велодроме и крейсере. Многие из них погибли или были расстреляны. Общее число жертв превысило 3 тысячи. После бойни в Ла-Корунье рабочее движение ПОШЛО на спад. Правда, отдельные забастовки еще продолжались [143]. Всего было убито 2 тысячи трудящихся и членов их семей, ВИЮчая женщин и детей. Из них 1500 были расстреляны, а 600 — схвачены, закованы в цепи и сброшены с корабля в море. После этого начались жестокие репрессии против всех рабочих организации Анархистская печать была закрыта, в Икике и других городах проведены массовые аресты. Правительственные репрессии покончили с волной забастовок 1925 г. [144].

В 1925 г. анархисты и коммунисты организовали также бмесячную забастовку квартиросъемщиков. Жители всех возрастов были объединены на коммунальном уровне, большая часть их находилась под влиянием анархистов. Бастовавшие требовали сократить квартплату на 50%. При попытке солдат и полицейских осуществить насильственное выселение соседи или другие жители коммуны (особенно женщины и дети) приходили на помощь и препятствовали выселению. Чтобы расколоть движение, правительство создало в каждом муниципалитете «жилищные трибуналы» из представителей владельцев, квартиросъемщиков и правительства, устанавливавшие 50%-ное сокращение квартплаты для жилья, признанного «нездоровым». Коммунисты согласились с созданием трибуналов, но анархисты отказались сотрудничать с правительством. Движение раскололось на легалистов и сторонников прямого действия. В конце 1925 г. оно сошло на нет. Позднее анархисты признавали, что им так и не удалось «ориентировать эту стачку на подлинное пролетарское восстание в момент, когда трудящиеся были хозяевами УЛИЦ и домов, и в ситуации, когда силы порядка почти повсюду братались с забастовщиками [145]

С 3 по 13 января 1926 г в Сантьяго проходил 4-й конгресс ИРМ. В нем приняли участие делегаты из Сантьяго, Вальпараисо, Сан-Антонио, Консепсьона, Магальянеса и Тальки. Делегаты осудили социальное законодательство правительства, политику высылки рабочих активистов, милитаризм и реакцию. Они подвергли жесткой критике прежний состав исполнительного органа ИРМ за «неверные» отношения с МАТ [146].

Правительство издало закон о социальном страховании, потребовав обязательной уплаты взносов государству. Профсоюзы и общества рабочей взаимопомощи вместе попытались провалить его. Кампания не удалась, поскольку контролировавшаяся коммунистами ФОЧ отказалась поддержать всеобщую стачку, объявленную 20 февраля 1926 г. против института правительственного социального страхования [147]

В начале 1926 г. был создан еще один анархо-синдикалистский профцентр. Одной из причин отколов от ИРМ были споры относительно региональной (федеральной) или отраслевой структуры организации. Портовые рабочие, пекари и печатники ушли из ИРМ. Также возникла Автономная федерация рабочего сопротивления (ФОРА), издававшая газету «Аутономия и солидарidad». В конце концов, по инициативе печатников и группы профсоюзов, не представленных в ИРМ, была создана Региональная рабочая федерация Чили (ФОРЧ), ориентировавшаяся на аргентинскую ФОРА. Она соединила в себе как региональную, так и отраслевую концепцию. ИРМ потеряли большинство своих членов, за исключением Сан-Антонио и Вальпараисо [148]. Но у ФОРЧ оставалось немного времени для организации. 23 февраля 1927 г. полковник Карлос Ибаньес установил диктатуру; помещения профсоюзов были захвачены, анархистские группы распущены, а все их издания закрыты.

В условиях диктатуры Ибаньеса ФОРЧ и ИРМ преследовались, их ведущие активисты — депортированы на острова Мас-Афуэра [149] и Айсен. Однако, несмотря на преследования, анархисты продолжали работу. Так, появившаяся в 1927 г. анархистская группа «Всегда» создала ответвления по всей стране и жестоко преследовалась правительством. В течение пяти лет были захвачены четыре ее типографии; многие члены неоднократно подвергались арестам [150].

В 1928 г. в ИРМ Чили насчитывалось 15 тысяч членов, в том числе 10 тысяч моряков и строителей Вальпараисо и 5 тысяч рабочих из Сантьяго, Тальки, Консепсьона, Фалькауауса, Ранкагуа, Икике, Антофагасты, Кокимбо. Организация официально выступала за анархистский коммунизм и пыталась пропагандировать этот социальный идеал, но испытывала значительные трудности из-за репрессий и сильного влияния буржуазной прессы. ИРМ строились на основе отраслевого принципа. Однако в действительности к началу 1930-х годов. ИРМ существовали лишь формально [151].

ФОРЧ также сильно страдала от репрессий властей. Так, 23 февраля 1928 г. в помещениях ФОРЧ были проведены широкомасштабные обыски: были изъяты адреса активистов и произведены многочисленные аресты. В 1929 г. власти разгромили также либертарную организацию преподавателей. Многим анархо-синдикалистам пришлось бежать за границу — главным образом в Аргентину [152].

Действовали анархистские союзы печатников и портовых грузчиков, анархисты открыто проводили демонстрации 1 мая 1928 г. Организовывались стачки, выходило либертарное издание «Ребельон». Репрессии ослабили анархо-синдикалистское движение, но не менее тяжелый удар по нему нанесла социальная политика правительства.

Диктатор Ибаньес провозгласил серию законов, о которых прежде говорили годами, но никто не осуществлял из-за противодействия олигархии. Это обеспечило ему широкую поддержку трудящихся. Новое государство создало также так называемые «легальные» профсоюзы, обеспечив им поддержку в забастовках и трудовых конфликтах и участие в прибылях. Законы об этих новых союзах превращали многие анархистские союзы в нелегальные (одно из ограничений предусматривало, что профсоюзы должны быть строго не идеологическими). Эта мера должна была подорвать анархосиндикалистское движение.

до Ибаньеса все улучшения в положении рабочих достигались стачками. Анархисты выступали против законодательного регулирования трудовых отношений. Однако социальные законы Ибаньеса изменили положение. «Чистые синдикалисты» рассматривали их как эффективное орудие в борьбе с предпринимателями, но не принимали корпоративную идеологию «гармонии интересов». Сторонники «чистого» синдикализма и более умеренные из революционных синдикалистов — сторонников аполитичности — пошли работать в «легальные профсоюзы [153].

Развитие анархо-синдикалистского рабочего движения в других странах Южной Америки

Крупнейшим социальным выступлением, в котором ведущую роль играли анархо-синдикалисты Парагвая, стала 8-месячная стачка в Асунсьоне рабочих электрической и трамвайной компании «КАЛФ» («Компания американа де лус и траксион»), принадлежавшей аргентинскому капиталу. Бастовавшие требовали изменения тяжелых условий труда и существенного повышения зарплаты. Они прекратили работу 26 сентября 1923 г., и столица страны погрузилась во тьму. На следующий день военные моряки в ходе военной операции восстановили подачу электричества. Однако трамваи Асунсьона не ходили. В начале октября бастовавшие трудящиеся нанесли уже ощутимый ущерб предпринимателям. Компания и аргентинское правительство оказали нажим на власти Парагвая, требуя принять меры против бастующих. Ситуация вызвала кризис в парагвайском правительстве: министр внутренних дел Гуггиари высказался за нейтралитет государства в конфликте, уступки требованиям рабочих и арбитраж; президент и другие министры настаивали на подавлении стачки и «наведении порядка» с помощью армии. Уступая давлению со стороны Аргентины, власти Парагвая направили войска, которые взяли в свои руки большинство функций компании. Администрация могла теперь вести переговоры с позиции силы. 15 января 1924 г. анархо-синдикалистский Парагвайский региональный рабочий центр (ЦОРП) распространил воззвание «К парагвайскому народу», призвав ко всеобщей стачке [154].

В забастовке солидарности активно участвовали строители, сапожники, пекари и другие категории трудящихся. Не выходили газеты. По стране прокатились крупные митинги и демонстрации. Полиция захватила и разгромила помещения рабочих организаций, произвела многочисленные аресты. Арестованные рабочие активисты (Д. Игнасио Нуньес, Педро Хименес и другие) были сосланы в пустынную местность на бразильской границе. Однако стачка водителей трамваев была выиграна [155]

Асунсьонская стачка показала правительству всю опасность ЦОРП, и на рабочее объединение обрушились систематические репрессии. К концу десятилетия число его членов сократилось до пяти тысяч: стачки солидарности подавлялись, активисты подвергались арестам и убийствам. Кроме того, власти всемерно поддерживали создание реформистских профсоюзов. Однако ЦОРП сохранял еще значительную силу. В него входили трудящиеся столицы, рабочих центров Консепсьона (несколько тысяч членов), Энкарнасьона, Вильяррики, Итурбе, Сан-Псдро, несколько автономных профсоюзов (сапожников, каменщиков, пекарей). Организация в Вильяррике провела успешную стачку рабочих мельниц. Когда владельцы нарушили достигнутое соглашение, была организована всеобщую забастовку всех рабочих город, которая продолжалась в течение месяца и сопровождалась покушениями на представителсй администрации. Последовавшие репрессии ослабили организацию в Вильяррике, но она все еще объединяла многих ПРОМЫШЛСННЫХ и сельскохозяйственных рабочих. ЦОРП объявил всеобщую 24-часовую забастовку против полицейских преследований, требуя освобождения арестованных товарищей.

В конце 20-х годов во многих департаментах создавались крестьянские общества сопротивления, проводились забастовки сельскохозяйственных рабочих. Кроме того, анархисты пользовались значительным влиянием среди интеллигенции и студенчества; одним из главных центров анархизма был Национальный университет [156]. Анархисты Парагвая активно пропагандировали свободную любовь и слом патриархальной семьи, резко критиковали католическую церковь и ее влияние в стране.

В ходе упорной борьбы рабочие Парагвая добились права на организацию профсоюзов, 8-часового рабочего дня, возможности заключать коллективные договоры. Рабочие обрели чувство собственного достоинства и умение отстаивать свои интересы [157].

Конец 1920-х годов в Парагвае прошел под знаком растущей военной напряженности. Назревала война с Боливией. Рабочие организации страны по-разному отреагировали на военные приготовления. Федеральный совет ЦОРП осудил их. В декларации, адресованной к «революционному пролетариату Аргентинского региона», ЦОРП призвал рабочих Аргентины, Бразилии, Уругвая и других стран Латинской Америки, которые разделяют интернациональные идеалы согласия и братства, не допустить, чтобы правительства Парагвая и Боливии начали войну — «грядущую бойню, столь же бесполезную, сколь и ужасную». Эта война, предупреждал Федеральный совет, служит империалистическим интересам США и прибылям торговцев оружием. «Поскольку в Чако имеется нефть, янки применяют свою ловкую дипломатию и ввергают Боливию и Парагвай в братоубийственную войну за то, чтобы... стать хозяевами и господами Чако...» «...Трудящиеся никогда не имеют никакой выгоды от "родины" , поскольку люди народа не имеют никаких прав, когда

экономика улучшается», — объясняли рабочие анархисты Парагвая. Они сетовали на то, что не молл протестовать внутри страны, вследствие репрессий, подавления свобод, травли со стороны печати и проправительственной позиции других рабочих организаций и партий. «Мы верим, что агитация за рубежом предотвратит эту варварскую и преступную крайность...» «Наш голос должен быть услышан от одной грани мира до другой, и люди нынешнего поколения должны суметь освободиться от неминуемой военной гекатомбы... Если этого не произойдет — позор веку, в который нам выпало действовать!» [158].

Напротив, другие профсоюзы страны склонялись к националистической позиции. Лига рабочих водников одобрила милитаризацию речного транспорта, социалистический Рабочий союз Парагвая занял двусмысленную позицию, и лишь анархисты пытались оказать сопротивление военным приготовлениям [159]. Рабочий союз, лига, профсоюз рабочих пекарен и т.д. вначале выпустили заявление против войны, но когда боливийские войска напали на парагвайский гарнизон в Чако, они поддержали объявленную правительством всеобщую мобилизацию [160].

ЦОРП вел в 1929 г. энергичную борьбу против военных планов правительства. Он объявил всеобщую антимилитаристскую стачку, к которой примкнули и студенты. Власти ответили разгромом движения: было введено осадное положение, радикальные движения запрещены, ведущие активисты были арестованы или бежали из страны, либертарныс газеты закрыты [161]. В течение 1930 г. многие члены ЦОРП оставались в заключении, газеты выходила лишь нерегулярно [162]

В соседней Боливии правительство Республиканской партии, пришедшей к власти в 1920 г., пошло на уступки городским рабочим Ла-Паса и даже включило в свою программу ряд их требований, в том числе о 8-часовом рабочем дне и социальном обеспечении. В то же время оно жестоко подавляло выступления горняков. Так, в 1923 г. войска задавили стачку рабочих рудника Уануни; сотни человек были убиты [163]. Этот конфликт — один из важнейших в истории рабочего движения Боливии — возник после того, как трудящиеся потребовали признать недавно созданную ими Центральную рабочую федерацию Унсия, а после отказа хозяев 5 тысяч шахтеров начали забастовку. Правительство ввело осадное положение [164]. Многие активные анархо-синдикалисты были сосланы в отдаленные районы страны. Репрессии привели к ослаблению анархо-синдикалистской Местной рабочей федерации. К 1924 г. ее численность из-за репрессий упала до 2 тысяч [165].

Но уже в 1926 г. Местная рабочая федерация Ла-Паса была воссоздана. В нее вошли пять наиболее боевых профсоюзов столицы и не менее 33 в ПРОВИНЦИИ [166]. Отделения федерации действовали в различных департаментах страны. К моменту III конгресса МАТ ее боливийской секцией признавался Либертарный рабочий центр [166], но Местная федерация объявила о своем присоединении к анархосиндикалистскому Интернационалу.

Большое внимание боливийские анархо-синдикалисты уделяли организации трудящихся женщин. Входившие в Местную федерацию союзы портних и дюярок образовали межпрофессиональный женский союз. 27 апреля 1927 г. на его основе была создана Женская рабочая федерация (ЖРФ). Ее основу составили Общество кухарок и служанок, Женский союз продавщиц цветов, Межпрофессиональные союзы рынков Камачо, Сокопачи и

Лосеры, Межпрофессиональный союз Локерии, Женский профсоюз трудящихся Виандаса, профсоюз молочниц и профсоюз смежных профессий рынка ЛаНСЫ. Анархо-синдикалистские союзы женщин не участвовали в кампании за предоставление женщинам избирательных прав. Среди прочих требований федерация отстаивала право на развод, полное равенство детей, рожденных в браке и вне его, а также на свободное сожительство. В 1929 г. ЖРФ приняла участие в общенациональном съезде женских организаций в Кочабамбе, на который собрались представители множества культурных, благотворительных и профессиональных ассоциаций. Форум сопровождался значительными расхождениями и спорами между ЖРФ и другими группами [168].

Анархо-синдикалисты вели активную пропагандистскую и культурную работу. С 1928 г. Местная рабочая федерация публиковала газету «Уманидад» В ее издании участвовали Рамон Итурри Хурадо (Томас Катари), художник Артуро Гордан, Сантьяго Асуме (Хуан Пуэбло), Луис Сальватьерра и Салюстиано Лафуэнте [169].

В боливийском рабочем движении 1920-х годов развернулось острое противоборство между различными течениями. На втором конгрессе общенационального профобъединения — Рабочей федерации труда (РФ Т) в 1925 г. большинство удалось захватить коммунистам. Они сохранили эти позиции и на третьем общенациональном рабочем конгрессе в 1927 г., принявшем решение о создании Конфедерации труда Боливии. Избранный председателем конгресса анархист-социалист Р. Чумасеро вскоре перешел к коммунистам. Анархисты из МРФ и социалисты из РФТ были НСДОВОЛЬНЫ коммунистической узурпацией и действовали самостоятельно, отказавшись принять участие в общенациональном рабочем конгрессе 1929 г. [170].

Экономический кризис, разгоревшийся в 1929 г., больно ударил по материальному положению трудящихся. Правительство разрешило предпринимателям не соблюдать обязательный минимум зарплаты. Прошли массовые увольнения. По мере нарастания социального брожения власти усилили репрессии против анархо-синдикалистов. Так, преследованию подверглись трое анархистов, написавших листовку к сельскохозяйственным рабочим. В августе 1929 г. был арестован популярный рабочий активист Луис Кусиканки. Сотни трудящихся провели демонстрацию у тюрьмы, требуя его освобождения. Митинг был жестоко разогнан конной полицией, давившей не только рабочих, но и их жен и детей. Помещения Местной федерации и анархистских групп были закрыты, а организации объявлены распущенными [171]. В 1929 г. режим приговорил к смерти девяти рабочих активистов. Аргентинская ФОРА провела митинги протеста 172. Новые смертные приговоры последовали после подавления восстания индейцев против помещиков. Боливийские рабочие-анархисты и ФОРА вновь организовали выступления протеста. 22 июня 1930 г. полиция расстреляла в столице демонстрацию рабочих и студентов; 34 человека были убиты. Секретариат АКАТ направил возмущенное послание правительству Боливии [172].

Несмотря на преследования, боливийские анархисты подтвердили свою ведущую роль в рабочем движении, приняв участие в проведении в августе 1930 г. в Ла-Пасе учредительного конгресса Боливийской региональной рабочей конфедерации [174].

В Перу после 1923 г. происходило отступление анархо-синдикалистского движения под давлением диктаторского режима президента Аугусто Легиа. В начале 1920-х годов трудящиеся, среди которых наибольшим влиянием пользовалась Региональная рабочая федерация, еще смогли выиграть крупные забастовки железнодорожников (1923), трамвайщиков (1924) и др. Но вскоре власти приступили к разгрому рабочего движения. Многие ведущие активисты федерации, включая Урмачеа, были арестованы и сосланы [175]. Подверглась преследованиям и возникшая в 1923 г. при участии анархистов Региональная индейская рабочая федерация, пытавшаяся сочетать анархистские идеи и милленаристские традиции и верования индейцев [176]

Наступление реакции встречало ожесточенное сопротивление. 23 мая 1923 г. учащиеся «Народного университета Гонсалеса Прады» собрали в университет Лимы «Сан-Маркос» народную ассамблею, которая постановила провести манифестацию протеста против намерения Легиа посвятить Перу «Сердцу Иисуса». Полиция напала на демонстрацию, произошли ожесточенные столкновения с полицией, открывшей огонь по демонстрантам; в результате погибли рабочий Понсе и студент Маркон Видалон; многие были ранены. 24 мая Местная федерация рабочих Лимы объявила всеобщую стачку и призвала трудящихся отправиться в морг и забрать оттуда тела погибших. После столкновений с жандармами тела были перенесены в университет. Похороны состоялись 25 мая. Стачка протеста длилась 3 дня [177].

Еще один удар по либертарному синдикализму нанесли сторонники вовлечения в политику и подчинения трудящихся партийному влиянию. Среди них был и бывший студенческий лидер Виктор Айа де ла Торре (позднее, в 1924 г. он образовал в эмиграции в Мексике партию АПРА — «Американский народно-революционный альянс»).

В октябре 1923 г. Местная рабочая федерация Лимы, в которой преобладали анархо-синдикалисты, объявила всеобщую стачку в знак протеста против ареста Айа де ла Торре, занимавшего пост ректора «Народного университета» для трудящихся. После нескольких дней борьбы федерация избрала комиссию во главе с рабочим-текстильщиком Луисом Фелипе Баррьентосом, которая провела переговоры в правительственном дворце, а затем доложила о результатах на встрече, которая проходила в помещении Федерации механиков и водителей (на ней председательствовал Мануэль Х. Педраса из Федерации каменщиков и смежных профессий). Баррьентос сообщил также, что Айа де ла Торре вовлечен в политику и сотрудничал с политиками в организации работы и лекций университета. Возмущенные делегаты постановили прекратить стачку, поскольку рабочая организация не может участвовать в политике. Однако часть трудящихся поддержала платформу, выдвинутую студентами; произошел раскол, и собрание разошлось.

В 1924 г. Местная федерация Лимы созвала в Помощники профсоюза шоферов новый рабочий конгресс. На сей раз сторонники политики, благодаря ряду маневров, составили большинство. Была принята резолюция, согласно которой синдикализм должен стать национальной силой — «Перуанским синдикализмом» [178]. К 1925 г. Рабочая федерация Лимы оказалась под контролем антианархистских элементов. Среди рабочих организаций, оставшихся верными антиавторитарным традициям, не считая анархистские группы Лимы, Кальяо, Мирафлореса, Арекипы и др., находились союзы строительных рабочих, плотников и

некоторые другие. Союз строительных рабочих основал в Лиме, а также в Кальяо и Мирафлоресе объединения в различных мастерских. Анархистская группа в Арекипе создала несколько профсоюзов и издавала ряд газет: «Солидарidad и культура» (для анархистской пропаганды), «Федераль» (для синдикалистской пропаганды) и др. Она содействовала организации Местной рабочей федерации, в состав которой вошли более 10 профсоюзов. Положение в Арекипе сильно обеспокоило правящие круги. Предлогом для разгрома рабочей организации стало известие о присоединении железнодорожных рабочих Юга страны к чилийским Индустриальным рабочим мира. После этого члены рабочего комитета были арестованы и объявлены «врагами отечества», купленными на чилийское золото [179].

В Лиме анархисты и анархо-синдикалисты продолжали издавать газету «Ла Протеста», сохраняли свои помещения, в которых работала библиотека социальной литературы, организовывали ЦИКЛЫ лекций на общественные темы. Они все чаще вступали в острые конфликты с национал-реформистами («апристами») и сторонниками большевизма. Так, физическими столкновениями закончилась в 1925 г. попытка лидера коммунистов Мариатеги превратить рабочее собрание памяти основоположника анархизма в Перу Гонсалеса Прады в заседание в честь Ленина [180].

Во второй половине 1920-х годов правительственные преследования анархистов нарастали. Многие либертарины были убиты, сосланы на остров Сан-Лоренсо или содержались в печально прославившейся тюрьме на ул. Пескажерия [181]. Тем не менее группа «Ла Протеста» продолжала существовать. В 1929 г. она заявила о присоединении к АКАТ.

В 1930 г. на смену Легиа пришел военный режим Санчеса Серро. Первоначально анархистам и синдикалистам из «Ла Протеста» и других групп удалось воссоздать революционные профсоюзы (Союз трудящихся гражданского строительства и т.д.). Но рабочее ДВИЖЕНИЕ оставалось слабым. Влияние синдикалистских профсоюзов ограничивалось несколькими прибрежными городами и столицей Лимой [182]. Новая Всеобщая конфедерация трудящихся Перу находилась под влиянием коммунистов и «апристов». Вскоре военная диктатура Санчеса Серро развернула жестокое подавление либертарных идей. Изданный правительством закон против коммунистов был использован также против синдикалистов, социалистов и анархистов [181].

В Эквадоре разгром всеобщей стачки в Гуаякиле в 1922 г. повлек за собой резкое ослабление рабочих организаций. Сильно пострадала от репрессий Региональная федерация трудящихся, созданная по инициативе анархо-синдикалистов [184]. Тем не менее в стране сохранялся ряд революционных синдикалистских союзов, поддерживавших связи с МАТ [185].

Активизация рабочего движения произошла после военного переворота в июле 1925 г., свергнувшего правительство либералов. Военный режим провел ряд прогрессивных реформ. Крупнейшее профобъединение — Эквадорская рабочая конфедерация поддерживала тесные связи с военными организациями. Гуаякильское отделение конфедерации — Рабочая конфедерация Уаяса перешла под влияние коммунистов [186]. Озабоченные ростом популярности анархистов и коммунистов, военные объявили в ноябре 1925 г. в Гуаякиле о

раскрытии мнимого «коммунистическо-анархистского заговора», участники которого якобы намеревались поджечь город, начать убийства представителей вооруженных сил и насилие над женщинами. Военный губернатор закрыл рабочие союзы и газеты и вооружил буржуазную гражданскую гвардию. Более 43 человек были арестованы, двое высланы из Эквадора. Однако провокация не удалась, и губернатор был смещен центральным правительством [187].

В Лаякиле была созвана конференция рабочих организаций города, но она оказалась малоуспешной из-за острых разногласий между отдельными течениями. Созданный в итоге Рабочий комитет за единый фронт (КОПФУ) оказался под полным контролем анархо-синдикалистов 188 . Комитет, издававший газету «Ла Консьенсиа лифе», стоял на позициях революционного синдикализма и массовой борьбы. Его целью было ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ социальной революции. КОПФУ заявлял, что партии препятствуют единству рабочего класса, и стремился создавать ячейки на предприятиях. Он уделял также большое внимание аграрному вопросу, стремясь организовать сельскохозяйственных рабочих и подготовить их к революции. Комитет активно участвовал и в кампаниях международной солидарности. Два его члена были арестованы во время мощной демонстрации и митинга в поддержку осужденных в США анархистов Сакко и Ванцетти [189].

В стране активно работала либертарная группа «Солидарность», стоявшая на почве революционного синдикализма. На основе анархистских идей была основана Ассоциация либертарных трудящихся. Под влиянием идей аргентинской ФОРА работала Крестьянская организация с центром в Наранхито и отделением в Лоренсо; в ней состояли тысячи человек. Действовала также организация сельскохозяйственных рабочих в Кома (в районе Хагуачи) [190].

В 1927—1928 годах в Гуаякиле имелись весьма сильные и активные автономные профсоюзы, почти все они находились под влиянием анархо-синдикалистов [191]. Сохраняли вес возглавлявшаяся анархо-синдикалистами организация рабочих плантаций какао фирмы «Томас Брионес» (один из самых крупных рабочих союзов в Гуаякиле), союзы трамвайщиков, железнодорожников и др. [192]. Особого успеха анархисты добились среди работников трамваев. В конце 20-х годов в Гуаякиле существовало пять активных групп, которые объединились в «Федерацию анархистских групп имени Михаила Бакунина». Федерация развернула работу среди трудящихся, создала пропагандистскую комиссию для экономического и культурного объединения рабочих. Она издавала газету «Трибуна обрера» и создала театральную группу имени Рикардо Флореса Магона [193]. Официальной секцией МАТ в Эквадоре считалась гуаякильская «Пропагандистская группа солидарности и рабочей организации» [194]. Однако подъем в конце 1920-х годов оказался недолгим. В ПОСЛЕДУЮЩИЕ годы постоянны государственные преследования уничтожили большинство из этих инициатив. Большинство ведущих либертарных активистов закончило жизнь в ссылке на Галапагосских островах.

В Колумбии классовое рабочее движение стало складываться позднее, чем в более южных соседних странах. Вплоть до 1924 г. оно охватывало НЕБОЛЬШОЙ круг людей в отдельных пунктах страны, преимущественно в столице, где действовали союзы взаимопомощи и Центральный рабочий синдикат (ЦРС), в который входили представители обществ

взаимопомощи и профессиональных союзов. После 1921 г. ЦРС стал все больше персходить на позиции массовой борьбы, в его рядах распространялись социалистические идеи [195].

В 1923 г. повсеместно стали появляться инициативы по созданию профсоюзных организаций, но этому препятствовал низкий уровень развития сознания трудящихся [196]. Тем не менее возникновению профсоюзов способствовала упорная борьба отдельных категорий трудящихся: нефтяников компании «Тропикал ойл» в Барранкабермехе, которые образовали в феврале 1923 г. рабочий союз во главе с Раулем Маэчей, рабочих банановых плантаций Магдалены и угольщиков Кауки, сформировавших Федерацию шахтеров Долины [197]. В конце того же года группа рабочих Боготы предложила созвать общенациональный рабочий конгресс, и эта идея была поддержана рабочими союзами и небольшой политической группой социалистов.

Первый рабочий конгресс собрался в Боготе 1 мая 1924 г. Его созвал ЦРС, в котором в тот период еще преобладали умеренные элементы. Основными течениями, представленными на конгрессе, были приверженцы ЦРС, либералы, пытавшиеся удержать рабочее движение в орбите Либеральной партии, сторонники правительства, и левые. Последние, объединившие чистых синдикалистов, социалистов, коммунистов и анархистов, предложили план организации рабочих, независимой от традиционных партий [198]. Анархо-синдикалисты были представлены прежде всего рабочими Карлосом С. Лосом и Луисом А. Росо (редакторами газеты «Ла Вос популар»). В целом конгресс проходил под гегемонией политиков, которые ориентировались на сотрудничество с властями. Его «почти своим присутствием» президент страны Нель Ospin и министр труда, были направлены приветствия правительству и руководству церкви! [199]. Социалисты провели во время конгресса съезд своей партии, постановив переименовать ее в коммунистическую. Конгресс завершился, так и не приняв определенного решения об ориентации рабочего движения [200]. Члены группы «Либертарный факел» в конце конгресса заявили: «Этот первый конгресс утонул в болоте собственного бесчестия» [201].

Конгресс образовал комитет, объявивший о создании «Колумбийской рабочей федерации». Однако ее деятельность вызвала недовольство немалого числа рабочих: федерация назначила руководителями ряда новых союзов фабричных надсмотрщиков, не оказала поддержки забастовке электриков столицы в октябре 1924 г., приветствовала команду итальянского фашистского пропагандистского корабля, президента Мексики Кальеса и лидера реформистского профцентра из США (АФТ) Гомперса [202].

В 1924 г. в стране прошло 16 забастовок. Самой драматичной из них была сентябрьская стачка на нефтепромыслах компании «Тропикал ойл» в Барранкабермехе. Трудящиеся были объединены в Рабочий синдикальный союз (РСС), созданный сотрудничавшим с анархистами и коммунистами рабочим активистом Раулем Эдуардо Маэчей [203]; Этот союз был самым мощным профсоюзом страны. Стачка, к которой присоединились 25 тысяч работников области Рио-Негро, продолжалась неделю, в течение которой забастовщики использовали методы прямого действия и установили контроль над городом. Забастовка сопровождалась стрельбой в министра труда, вмешательством армии, расстрелом забастовщиков, арестом стачкома и высылкой трехсот наиболее активных участников забастовки. В поддержку стачки выступила группа «Либертарный факел» [204]. Борьба закончилась соглашением,

сравнительно благоприятным для рабочих. В сентябре 1926 г. в Барранкабермехс была организована новая стачка нефтяников [205].

В ноябре 1924 г. группа «Либертарный факел» созвала в Боготе совещание 18 профсоюзных организаций столицы, принявшее решение о проведении первой в истории страны всеобщей стачки солидарности с цементными рабочими фирм братьев Сампер, однако выступление потерпело поражение из-за саботажа со стороны марксистов и профсоюзов, связанных с Либеральной партией [206].

Группа развернула агитацию за создание Колумбийского синдикального союза (УСК) в противовес Колумбийской рабочей федерации. Профсоюзы столицы и частично провинциальные союзы встретили инициативу благосклонно. Было достигнуто соглашение об объединении 13 столичных синдикатов (профсоюза трамвайщиков, Центрального рабочего синдиката, профсоюзов продавцов газет, пивоваров, пекарей, электриков, суконщиков, типографов, работников Южной железной дороги, фосфорной промышленности, цементных рабочих, Синдиката ремесленников и пролетариев), а также группы «Либертарный факел». Они образовали комиссию для выработки общих принципов. Этот документ был предложен группой и в основном принят профсоюзами [207].

Анархо-синдикалисты страны поддерживали контакт с МАТ. Они стремились придать профсоюзам революционный характер, с помощью агитации разрушить предрассудки и способствовать становлению среди трудящихся классового сознания. Группа «Либертарный факел» признавала, что уставы большинства профсоюзов «даже отдаленно не соответствуют требованиям современной борющейся организации и ни в коей мере не могут быть названы либертарными». Однако она рассчитывала на то, что с помощью круга убежденных людей удастся начать широкую деятельность по изменению сознания. Такая деятельность была широко развернута по всей стране: издавались листовки, проводились собрания и т.д. Провозглашенный УСК фактически был комиссией объединившихся профсоюзов, поддерживался и финансировался ими. Наиболее принципиальные и убежденные активисты были организованы на местах в группы «рабочего авангарда». Издавалась газета «Ла Вос популар» [208].

Центральный рабочий синдикат (ЦРС) в 1924 г. присоединился к Панамериканской федерации труда, созданной под эгидой АФТ США, но уже в 1925 г. разочаровался в ней и в конце 1926 г. вышел из этого международного профобъединения. В 1925 г. он изменил устав и провозгласил своей целью борьбу за преодоление разделения человечества на классы с помощью классовой борьбы и «всемирной диктатуры пролетариата». В 1926 г. ЦРС наладил связи с Профинтерном и вступил в его состав [210]. В том же году синдикат некоторое время поддерживал связи и с МАТ. Но, получив информационные материалы от анархо-синдикалистского Интернационала с критикой СССР и большевизма, лидеры ЦРС ответили письмом в защиту большевизма, после чего контакты с Берлинским Интернационалом прервались [211].

20 июля 1925 г. группа «Либертарный факел» созвала второй рабочий конгресс. Его открыл анархист Ф. Леон. В ходе конгресса анархисты Леон и Росо выступали в блоке с марксистами во главе с И. Торресом Хиральдо. Развернулась острая борьба по вопросу об ориентации

движения трудящихся. Либертариим, ориентировавшиеся на Аргентинский синдикальный союз (УСА), предложили конгрессу революционно-синдикалистский проект. Конгресс отверг зависимость от любой политической партии и высказался за прямое действие и «новую индустриальную демократию», осуществляемую самими трудящимися, «без лидеров и понтификов, которые служат посредниками». Однако либертариям не удалось добиться создания анархистской рабочей организации. Конгресс учредил Центральный рабочий синдикат Колумбии — Национальную рабочую конфедерацию, высказался за сотрудничество как с Профинтерном, так и с МАТ и заявил о намерении участвовать в Панамериканском конгрессе революционных синдикалистов [212]. По признанию колумбийских коммунистов, конфедерация «приняла характер гибридной организации, не имеющей четкой направленности». На местных выборах в Боготе она блокировалась с Либеральной партией. Неудача этого шага и поражение забастовки работников трамваев привели в конце года к распаду профсоюза трамвайщиков — наиболее организованного союза в стране [213].

В 1925 г. в Боготе выходили анархистские газеты «Ла Анторча», «Эль Синдикалиста» и «Пенсамьенто и волунтад» [214]. В Барранкилье анархисты Грегорио Кавиедсс и Элиас Кастельянос начали издавать газету «Виа либре». На ее страницах обсуждались также темы антимилитаризма и освобождения женщин. В то же время «Либертарная группа Санта-Марты» выпускала еженедельник «ОрганисаСьон», который пропагандировал анархо-синдикализм и одновременно создание единого фронта всех социалистических течений. Группа поддерживала постоянные контакты с коммунистами. Ее члены приняли участие в кампании по пропаганде «революционного социализма» в начале 1928 г. в Магдалене во главе с Марией Кано и Торресом Гиральдо [215].

На третьем рабочем конгрессе 21 ноября 1926 г. были представлены три основных течения: коммунисты, анархисты и все прочие. Вторым вице-председателем конгресса был избран сотрудничавший с синдикалистами рабочий лидер Рауль Эдуардо Маэча. Но победу на форуме одержали марксисты, семь анархистских делегатов (5 колумбийцев и 2 иммигранта) покинули конгресс. После этого делегаты проголосовали за создание Революционно-социалистической партии (позднее переименована в Коммунистическую) и Национальной рабочей конфедерации с центром в Кали и Анархисты создали Рабочую федерацию Атлантического побережья (ФОЛА), в которую объединились 16 профсоюзов [217].

Революционная соцпартия (РСП) привлекла на свою сторону и некоторую часть сторонников анархизма, поскольку в ее документах декларированная приверженность марксизму-ленинизму и диктатуре пролетариата сочеталась нередко с анархистской терминологией. Так, в уставе партии указывалось, что партия стремится к социализму, при котором «не будет ни разделения на классы, ни государства». Одна из листовок, выпущенных РСП, призывала к «вооруженной социальной революции» и провозглашала лозунги вроде «Все или ничего» и «Освобождение пролетариата — дело самого пролетариата». Партия заявляла о своих «благородных либертарных устремлениях» и намерении вести борьбу за «равные права и равные РСП сыграла наиболее активную роль в новой стачке в Барранкабермехе в начале 1927 г.

Забастовка началась 5 января 1927 г. В ней приняло участие 5—8 тысяч нефтяников «Тропикэл ойл». Стачка вспыхнула стихийно, выйдя за рамки плана, разработанного профсоюзными лидерами, и была отмечена острой борьбой и использованием методов прямого действия. Выступление поддержало местное население. Крестьяне окрестностей и торговцы города снабжали бастующих деньгами и продуктами. Мэр города отказался повиноваться властям и давал советы бастующим, как им победить, действуя «по закону» [218].

Когда его сместили, рабочие устроили в его честь прощальный банкет, который закончился кровопролитием. 19 января начальник полиции, провоцируя бастующих, вывел жандармов на улицы с криками «Долой забастовку! Долой рабочих!». Произошли столкновения с полицией, которая открыла огонь. Пять рабочих были убиты, восемь утонули в реке Магдалена; погибли также двое полицейских. Многие были ранены. Правительство объявило забастовку подрывным движением и ввело осадное положение. Но события в Барранкаберме вызвали волну солидарности по всей стране. 20 января начались забастовки железнодорожников Харардота и Кальмара, Картахены и Боливара, моряков и докеров. РСР организовала стачку транспортников на реке Магдалене, в долине Кауки. Общее число бастующих достигло 40 тысяч человек, и всюду, где рабочие прекращали работу, власти вводили осадное положение. «Конфликт начал приобретать характер настоящей социальной революции», — сообщали в Профинтерн представители ЦРС. Президент был вынужден пойти на прямые переговоры с забастовщиками. Но затем последовал арест всего состава забастовочного комитета во главе с Р. Маэча. Синдикалисты находились в тюрьме Сан-Хиль. Прошли аресты в Харардоте, Кали и Онде. «Тропикэл ойл» объявила локаут. Борьба завершилась незначительным повышением зарплаты [219].

21 марта 1927 г. вспыхнула забастовка шоферов столицы, в ходе которой также применялись анархо-синдикалистские методы прямого действия.

На рост забастовочного движения власти отвечали преследованием рабочих организаций. Перед 1 мая 1927 г. полиции было предоставлено право задерживать подозрительных и распускать собрания, не получившие предварительного разрешения [220].

В июле 1927 г. по инициативе анархистов был создан либертарный профсоюз портных в Барранкилье. За год количество его членов возросло до 300 человек. В ходе конфликта с хозяевами он добился повышения зарплаты на 3070 [221]. Но в профсоюзе имелась и коммунистическая ячейка. Коммунисты предложили этому профсоюзу и 20-тысячному профсоюзу рабочих банановых плантаций Магдалены сотрудничество в общей борьбе против реформистской Атлантической профсоюзной рабочей конфедерации [222]. К моменту III конгресса МАТ в 1928 г. ее колумбийскими организациями считались официально профсоюз портных и «Центр Братство и бунтарство» в Антиокии. Центральный рабочий синдикат рассматривался как дружественная организация [223].

В конце 1920-х годов в Колумбии наблюдался рост влияния анархистов. Коммунист Альберто Кастрильон сообщал 1 сентября 1928 г. в Профинтерн, что в стране действуют анархистские синдикаты, получившие приглашение на конгресс, организуемый аргентинской ФОРА, и что пропаганда анархистской доктрины «приобрела огромные масштабы во всех профсоюзных

организациях». «Из Испании, Аргентины, Мексики и Уругвая приходит еженедельно в огромных количествах анархистская пресса, которая бесплатно раздается в профсоюзах», в то время как коммунисты не издавали никакой газеты. Кастрильон предостерегал, что, если не будет развернута самая энергичная коммунистическая пропаганда в профсоюзах, «весьма возможно, что анархо-синдикализм захватит все сферы», и тогда коммунистов ждет «неминуемое поражение». Он призывал действовать немедленно, пока пролетариат еще не «заражен» до конца анархизмом [224].

В 1928 г. организованная синдикалистами и коммунистами забастовка на банановых плантациях «Юнайтед фрут компани» в Магдалене закончилась жестокой бойней в Сьенага. В забастовочный комитет вошли Рауль Маэча, Хосе Г. Руссо, Эрасмо Коронель, коммунист Альберто Кастрильон и Сиксто Ospina. Рабочие требовали повысить зарплату и выплачивать ее деньгами, а не талонами для магазинов компании, сократить рабочее время, улучшить условия их жизни в бараках, осуществить гигиенические мероприятия, ввести медицинское обслуживание за счет компании, оплачивать больничные листы и построить школы для детей трудящихся. Движение носило мирный характер, но рабочие подготовились к борьбе. 32 тысячи рабочих объединились в отряды, запаслись вооружением, создали забастовочный денежный фонд, рабочий кооператив, закупили продовольствие. 12 ноября правительство ввело войска в район забастовки в Санта-Марта. Близкая к анархо-синдикализму Рабочая федерация Атлантического побережья объявила всеобщую стачку, к которой присоединились тысячи рабочих. Направленные в зону забастовки войска были разоружены; произошло братание бастующих с солдатами. Офицеров вынудили поклясться под красным знаменем, что они «не предадут пролетариат». К забастовке присоединились железнодорожники и работники общественных служб. 6 декабря пьяные солдаты по приказу генерала К. Кортеса Варгаса, опасавшегося распространения братаний, открыли пулеметный огонь по толпе рабочих. Около 800 человек было убито, многие ранены. Трудящиеся создавали ударные отряды и оказывали упорное сопротивление войскам. Было введено осадное положение. Чтобы окончательно потопить стачку в крови, военный министр И. Ренхифо приказал расстрелять еще 1500 забастовщиков. Их дома были сожжены. Сотни людей приговорены к длительному тюремному заключению. Из-за колебаний коммунистов стачка закончилась поражением. Правда, администрация компании удовлетворила почти все требования рабочих [225].

В самом конце 1920-х годов в борьбе между анархо-синдикалистами и коммунистами перевеса стали все больше добиваться сторонники Москвы. Большинство либертарных активистов постепенно эволюционировало от идеи сотрудничества с коммунистами к организационной поддержке их. Рауль Маэча все больше сближался с коммунистами и в конце концов перешел к ним [226]. Но анархистский дух еще некоторое время витал в колумбийском рабочем движении. Так, в сентябре 1929 г. Мария Кано и Рабочая федерация Медельина призвали трудящихся «высоко держать красное знамя неучастия в выборах» и бойкотировать выборы [227]. Позднее и она «убедилась в прежних ошибках» [228].

В Венесуэле, несмотря на сохранение диктатуры Гомеса, продолжали возникать первые рабочие союзы. В 1923 г. анархо-синдикалисты вместе с другими оппозиционными течениями участвовали в создании Венесуэльского рабочего союза. Он вошел в Панамериканскую федерацию труда под эгидой АФТ и мексиканской КРОМ. Но даже такая

умеренная оппозиция была уничтожена государственными репрессиями [229].

После 1922 г. действовавшие нелегально анархисты в Каракасе поддерживали тесные связи с рабочими массами, активно участвуя в рабочих организациях и забастовочных акциях. Так, в профессиональном объединении печатников действовали Хуан С. Синьони, Карлос Морено, А. Р. Рискес Бланко и Адольфо Монтеро, во Всеобщей ассоциации труда — Эсекиель Марин и Рафаэль Ойарсабаль, среди портовых рабочих — Франсиско Гонсалес Бланко и Ладислао Яньес, среди сапожников — Хосе Тостон, Перес Падилья, Никасио Паэс и Карлос Гранер [230]. «Союзы пекарей, трамвайщиков и другие организации так называемой взаимопомощи были сплошь пронизаны идеями Прудона и Бакунина», вспоминал в 1976 г. профсоюзный лидер Родольфо Кинтеро [231]. В Ароа (штат Яракуй), центре английской железной дороги «Боливар Рэйлуэй компани лимитед», а также в Пуэрто-Кабельо и Баркисимето анархистскую деятельность возглавляли уроженцы.

Италии. Среди наиболее видных анархо-синдикалистов-железнодорожников были Висченцо Кусали, Хуан Ласо, Андрес Иляс Эдуарте, Мануэль Сеговия, Симон Аулар и П. Искьердо Леон. Под влиянием этих групп произошли громкие трудовые конфликты, а в Сан-Фелипе, столица Яракуа, выходили издания, посвященные миру труда и борьбе рабочих [232].

Многие испанские и итальянские рабочие, трудившиеся в Венесуэле в 20-х годах, такие как сапожники и строители, были анархистами и анархо-синдикалистами, создавали подпольные группы и организовывали забастовки [233]. Распространяли либертарные идеи и книги также вернувшиеся домой венесуэльцы, учившиеся за границей.

В 1927— 1928 годах, в период крупных студенческих выступлений, в стране было много анархо-синдикалистов. В феврале 1928 г. студенты устроили большую демонстрацию против режима Гомеса; учащиеся поддержали забастовавшие трамвайщики и каменщики. В том же году бастовали трамвайщики Каракаса, банковские служащие, пекари, работники порта Ла-Гуайра. Бастовавшие требовали в том числе освобождения репрессированных студентов. Одним из инициаторов движения 1928 г. был поэт Пио Тамайо, который прожил ряд лет в Пуэрто-Рико и США, контактировал с революционными кругами в Панаме, был выслан оттуда и вернулся в Венесуэлу в 1926 г., где сотрудничал в изданиях «Мундиаль» и «Элите» и установил связи с руководителями Федерации студентов. 14 февраля 1928 г. он был арестован вместе с лидерами студентов [234]. Правда, взгляды самого Тамайо, как и многих других активистов того времени, были весьма путаными. Он пропагандировал «социализм Бакунина и Маркса» [235]. Условия диктатуры не способствовали четкому идейному размежеванию в рядах венесуэльской оппозиции.

Мексиканская ВКТ: от революционного анархизма к реформизму

Определив в 1922 г. свою социально-политическую линию, анархо-синдикалистская Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) Мексики подтвердила курс на конфронтацию с властями и реформистским профцентром КРОМ. Конфликт приобрел открытую форму в

начале 1923 г., после того как 3 января началась забастовка работников Трамвайной компании Мехико. Через 3 недели ВКТ призвала ко всеобщей стачке в компании, вся ее деятельность была парализована. Правительство и КРОМ выступили против забастовки и попытались подкупить рабочих, угрожая одновременно репрессиями. В ответ ВКТ объявила всеобщую стачку всех своих членов в Федеральном округе (около 40 тысяч человек). 1 февраля бастовавшие работники трамваев загородили баррикадами улицы, подняли красно-черные флаги и не пропустили трамваи штрейкбрехеров из КРОМ. Водитель и два охранявших его солдата были убиты вооруженными рабочими. Правительство ВВС ЛО в столицу войска. В ходе продолжавшегося час уличного боя между транспортными и телефонными рабочими ВКТ, с одной стороны, и полицией, с другой, были убиты пять полицейских, ранены 13 рабочих и неизвестное число полицейских. Полиция и войска штурмовали штаб-квартиру ВКТ и взяли в плен около ста ее члснов. 3 февраля правительство объявило о высылке из страны четырех анархо-синдикалистов, испанцев по происхождению — С.СанВисенте, Алехандро Монтойю, Х. Переса Хилья и Урбано Легаспи. Секретарь правительства Плутарко Элиас Кальес объявил стачку законченной. Хотя арестованные были вскоре освобождены, после этого поражения в течение нескольких лет многие работники Трамвайной компании перешли в КРОМ 23ь Позднее в том же году власти разгромили семитысячную Федерацию рабочих и крестьян Атлисео в текстильной зоне в ЦС НТРС страны [237].

Однако активность ВКТ в столице не ослабевала. Так, 10 марта 1923 г. анархо-синдикалисты смогли провести в Мехико марш в знак протеста против убийства в Испании секретаря НКТ Сальвадора Сеги. Во второй половине 1923 г. центр акций ВК Т переместился в Орисабу. Здесь бастовали текстильные рабочие, и в ответ на локаут в Орисабе и Веракрусе как ВКТ, так и КРОМ объявили всеобщую стачку. Стачки, акты саботажа, локауты и СТОЛКНОВСНИЯ между ВКТ и КРОМ продолжались в течение многих месяцев по всему штату [238].

Анархо-синдикалисты стремились привлечь в свои организации крестьян и сельскохозяйственных рабочих. ВКТ сочла, что «до сих пор не просто забыла о сельском трудовом населении, но и почти не обращала на него внимания; до сего дня она не думала о том, чтобы создать собственное движение сельских тружеников: она довольствовалась пропагандой своих анархистских принципов среди сельского населения, но не вмешивалась непосредственно в их повседневную борьбу. Вступление организаций сельскохозяйственных работников осуществлялось стихийно, и многие из них фигурировали и фигурируют лишь как платонические сторонники нашей ВКТ», — писали мексиканские анархо-синдикалисты в отчете конгрессу МАТ. Крупный блок сельских тружеников из штата Веракрус объявил в 1923 г. о вступлении в ВКТ и требовал обсудить более серьезно вопрос о работе в деревне [239].

Среди сельского населения Мексики существовала сильная общинная традиция. Те земли, которые не попали в руки помещиков, а остались за крестьянами, в сельских общинах таких штатов, как Халиско, Наярит, Синалоа, Оахака, Мичоакан и Герреро, часто обрабатывались всеми совместно. Неудивительно, что коммунистическая агитация анархистов приносила свои плоды [240]. В ВКТ вступил ряд синдикатов, образованных крестьянами, которые занимали помещичьи земли и намеревались совместно обрабатывать их. Им приходилось защищать эти территории в острой, часто вооруженной борьбе с помещиками. Такие группы возникли

в штатах Наярит, Веракрус, Мехико и особенно в Пуэбле; была создана Крестьянская федерация, объединившая 67 синдикатов. Против этой последней правительство даже использовало войска. Во время стачек рабочих ВКТ в Веракрусе крестьянские синдикаты оказывали поддержку бастующим и снабжали их продовольствием. Для защиты земли от помещиков крестьяне создавали небольшие отряды вооруженных добровольцев [241]. Общее число участников движения сельских тружеников, присоединившихся к ВКТ, оценивалось мексиканскими анархо-синдикалистами в 30 тысяч человек [242].

6 декабря 1923 г., воспользовавшись началом антиправительственного восстания А. де ла Уэрты, помещики при поддержке мятежников напали на крестьянские синдикаты штата Веракрус, а также на помещения синдикатов в Соледад-Добладо и бюро союза пекарей; были зверски убиты анархо-синдикалисты Мануэль Кадена и Антонио Бальесо. В Эль-Сапота подверглись нападению члены федерации докеров ВКТ, убит профсоюзный активист Хосе Фернандес Ока. Организации крестьян Веракруса были разгромлены, лишь в нескольких населенных пунктах им удалось с оружием в руках отразить нападение. Крестьяне из Наярита проинформировали ВКТ о том, что они решили создать вооруженное движение открыто либертарного характера [243].

Мятежники объявили себя сторонниками «рабочих завоеваний», но ВКТ, верная своим антиполитическим позициям отказалась поддержать военное восстание де ла Уэрты и официально осудила его 3 января 1924 г. Узнав о трагических событиях в Соледад-Добладо и Эль-Сапота, Федерация портовых рабочих Веракруса провозгласила всеобщую забастовку протеста, однако силы де ла Уэрты оккупировали помещения Федерации портовиков и синдиката табачников. В текстильном округе Сан-Анхель вооруженные сторонники властей напали на рабочих, но получили отпор; в бою погиб секретарь синдиката Хосе Чавес, двое рабочих были ранены. В ответ в округе была объявлена забастовка протестам [244].

Анархистские идеи пользовались широкой популярностью не только в ВКТ, но и среди независимых крестьянских организаций. Так, в письме, направленном созданными 15 крестьянскими синдикатами «Региональными красными гвардиями» Пуэблы в адрес ВКТ в январе 1924 г. в связи с восстанием де ла Уэрты, они предостерегали синдикалистов от поддержки мятежников и заявляли:

«Мы являемся убежденными сторонниками либертарного коммунизма... Осторожно, товарищи из Конфедерации, ни в коем случае не вмешивайтесь в политику, ведь это было бы худшим средством защищать анархистский коммунизм». Крестьяне Пуэблы призывали ВКТ публично подтвердить исключение из ее рядов сторонников соглашения с политиками — Саласара и Эскобедо. Синдикаты объявили, что предоставляют свои вооруженные части в распоряжение ВКТ, но «исключительно для защиты либертарного коммунизма» [245].

15 декабря 1923 г. третий конгресс ВКТ Мексики принял решение о вступлении в МАТ. В нем участвовали 47 делегатов от восьми федераций и 87 синдикатов, объединивших 78 842 рабочих. Не смогли приехать делегаты, представлявшие около 20 тысяч трудящихся с Юга страны. На предыдущем, втором конгрессе были представлены 3 федерации и 19 синдикатов, в которые входили 16 тысяч членов [246]. Из-за мятежа де ла Уэрты отсутствовали представители крестьян из Веракруса.

Предложение о вступлении ВКТ в МАТ было внесено по инициативе делегатов от синдиката телефонистов. В ходе дискуссии его поддержали восемь делегатов, в особенности представитель Федерации рабочих обществ штата Нуэво-Леон. Решение о присоединении было принято единодушно; международные взносы вводились с января 1924 г. в размере, добровольно определяемом в зависимости от возможностей.

На конгрессе обсуждался вопрос о дальнейшем расширении рядов ВКТ. Отмечалось сближение с ВКТ и возможность вступления конфедерации профсоюзов железнодорожников, рабочей федерации штата Коауила (вышедшей из официальной Мексиканской региональной рабочей конфедерации КРОМ), автономной рабочей федерации Прогресо. В ВКТ вошла федерация рабочих обществ Монтеррея, планировалось присоединение профсоюза нефтяников.

Участники конгресса высказались также за сотрудничество с Индустриальными рабочими мира, чтобы повсюду противостоять влиянию Американской федерации труда. Они призвали объявить бойкот США, Испании и Италии, где происходили преследования анархо-синдикалистского и революционно-синдикалистского движения. По предложению синдикатов текстильщиков и телефонистов было направлено послание солидарности с аргентинской ФОРА. Делегаты предложили провести Континентальный американский конгресс РЕВОЛЮЦИОННЫХ организации [247].

Конгресс утвердил Организационные принципы ВКТ. В документе, в частности, указывалось, что в задачи организации входят защита и образование работников города и деревни, что она признает «фундаментальный принцип классовой борьбы», считает, что «между рабочим классом и классом эксплуататоров не может быть ничего общего». Было объявлено, что ВКТ как интернационалистская организация «не признает ни границ, ни расовых различий».

Целью ВКТ провозглашался либертарный коммунизм, методом — прямое действие, «которое исключает любую политическую деятельность и признает рационалистическую систему с целью образования трудового народа». Согласно организационным ПРИНЦИПАМ, в ВКТ могли входить «все группировки борьбы и сопротивления рабочих, которые... признают Декларацию принципов и организационные принципы ВКТ». В ней не могли состоять «формирования, имеющие в своих рядах политических активистов»; таковые объявлялись «предателями рабочего класса». В документе еще раз подчеркивалось неучастие в политических конфликтах и политической борьбе.

Органами ВКТ были конгресс, который должен был проходить как минимум один раз в год, избираемый конгрессом Секретариат из пяти членов, а также Совет конфедерации, состоявший из представителей отраслевых и местных синдикальных федераций (они могли быть отозваны федерациями в любой момент). Секретариат был подотчетен также Совету конфедерации. В состав Секретариата были избраны Антонио Пачско, Томас Кордсро Фаррслъ, Родольфо Агирре, Моисес Герреро и Сиро Мендоса.

Синдикаты и федерации сохраняли полную автономию во внутренних вопросах и могли решать свои проблемы самостоятельно, без всякого вмешательства извне, или же просить о помощи со стороны конфедерации. В документе провозглашалось, что все синдикаты и

местные федерации должны как можно скорее объединиться в общенациональные отраслевые федерации. Предусматривались общая уплата взносов, издание Секретариатом печатного органа ВКТ, максимальная помощь организаций ВКТ пропагандистской работы идеологических групп (т.е. анархистов), состоящих в ВКТ. При этом оговаривалось, что культурные группы, которые входили в ВКТ, не должны были вмешиваться в экономическую работу, но лишь заниматься образованием «устно, письменно и примером».

Третий конгресс ВКТ высказался за создание СИСТЕМЫ рабочих Совестов. Согласно принятой резолюции, работники предприятий промышленности, сельского хозяйства и т.д. должны были избирать делегатов от цехов и предприятий, в задачи которых входило осуществление решений Производственного состава, информирование его о ситуации и проблемах, представительство работников в конфликтах и составление статистики о производстве и потреблении. Конгрессы делегатов избирали соответственно Производственный совет и Совет работников сельского хозяйства. Эти советы были призваны заниматься ТЕХНИЧЕСКИМ контролем, распределением труда и участием в производственных конфликтах. При этом предусматривалось их невмешательство в административно-технические полномочия профсоюзов. Наконец, представители Производственного совета и Совета работников сельского хозяйства образовывали собирающийся раз в две недели местный Совет, а представители местных Советов — Всеобщий рабочий совет. Советы всех уровней должны были регулярно отчитываться перед ВКТ.

Помимо этого, конгресс ВКТ постановил создать Комитет поддержки заключенных, который должен был вести интенсивную пропаганду в поддержку революционеров, арестованных в России, Испании, США и других странах, причем предусматривалась организация бойкота товаров из этих стран. Секретариату было поручено также сформировать Совет по вопросам образования; предполагалось, что он должен будет также помогать организовывать синдикаты преподавателей, музыкальные и театральные группы. Было решено приступить к повсеместному созданию Групп либертарных женщин, а также усилить антиклерикальную пропаганду [248].

Важнейшей опорой ВКТ оставались работники текстильной промышленности, в которой анархо-синдикалисты проводили упорные стачки. В Федеральном округе предприниматели заявили о закрытии ряда предприятий из-за нехватки в снабжении, вызванных всеобщей стачкой в Веракрус. ВКТ начала борьбу, которая продолжалась 8 месяцев. Она призвала рабочих установить контроль над предприятиями, которые их владельцы намеревались закрыть. Локауты продолжались [249].

Принадлежавшая французским предпринимателям фабрика «Ла Меха» была захвачена рабочими. В ответ на угрозы президента Обрсона направить войска начались забастовки солидарности. На конференции рабочих-текстильщиков ВКТ в 1924 г. 48 делегатов представляли 23 тысячи рабочих. Было принято решение отвечать на любую атаку со стороны правительства и предпринимателей ВСЕОБЩЕЙ стачкой во всей отрасли. Делегаты решили объявить бойкот товаров из США, Италии и Испании, повести кампанию помощи арестованным революционерам в России [250].

В марте 1924 г. ВКТ ультимативно потребовала от текстильных предпринимателей Федерального округа открыть фабрики. Власти направили войска на охрану предприятий. Конфликт продолжался весной и в начале лета, пока правительство не пригласило лидеров текстильщиков Отило Внсеса и Сиро Мендосу на арбитраж, который на время урегулировал спор [251].

ВКТ выступила организатором многих крупных забастовок. 5дневная всеобщая стачка солидарности была объявлена после убийства Хосе Чавеса. Рабочие нефтяной компании «Уастека ойл Ко» провели стачку в поддержку электриков Тампико. Всего в январе — феврале 1924 г. ВКТ осуществила 19 больших стачек, особенно выделялись выступления в Монтеррее и Синалоа. В Монтеррее в ответ на провокацию предпринимателей забастовали металлисты; стачка была поддержана всеми 42 профсоюзными секциями, и после двух дней движения хозяева пошли на первые уступки. В Масатлане против нажима со стороны губернатора штата бастовали рабочие пекарен, они получили поддержку пяти рабочих федераций Синалоа, докеров, транспортников, все движение по дорогам было парализовано. Власти направили против рабочих войска, в ответ к забастовке присоединились работники сахарной промышленности и шахтеры Пануко. После семи дней борьбы рабочие одержали победу. С начала 1924 г. к ВКТ присоединились 14 новых синдикатов 252. В нее вошла рабочая федерация штата Коауила, многие рабочие, вышедшие из реформистской рабочей федерации штата Пуэбла.

Забастовки в Мексике нередко сопровождались вооруженными столкновениями. Когда предприниматели отказались соблюдать соглашения, достигнутые в Синалоа, рабочие сахарной промышленности возобновили забастовку; правительство послало против бастующих солдат. Войска открыли огонь по рабочим, убив четырех и ранив 1 человек. По всей стране вспыхнули стачки солидарности, проводились собрания и митинги. Борьба и на этот раз закончилась победой рабочих [253]. В Наярите вооруженные отряды, созданные помещиками, напали на сельскохозяйственных рабочих, принадлежащих к ВКТ. Репрессии не могли предотвратить дальнейший рост рядов Анархо-синдикалистской конфедерации. В нее вступили рабочие-нефтяники Тампико; в течение мая—июня к ВКТ присоединились пять новых синдикатов и были созданы семь новых синдикатов. В июле 1924 г. в ВКТ ВСПУПили семь новых синДИКаТОВ и одна пропагандистская группа. С 19 июня 1924 г. конфедерация стала выпускать новый печатный орган — «Нуэстра палабра» [254]. В Тампико возникла местная Рабочая федерация, влияние которой распространялось на нефтяников, электриков, а также школьных учителей (в Сьюдад-Сссилиа) [255].

Во второй половине 1924 г. вновь обострилась ситуация в текстильной промышленности. Когда предприниматели приняли решение закрыть фабрику «Аурора», ВКТ объявила стачку СОИИдаРНОСТИ; в течение 24 часов бастовали 15 тысяч человек. Текстильные фабриканты планировали распространить локаут на 16 предприятий. Рабочие ответили на эти планы революционной всеобщей стачкой, которая продолжалась в течение 10 дней. Обсуждалась идея захвата фабрик рабочими. В итоге хозяевам пришлось уступить.

На усиление анархо-синдикалистского движения власти отвечали преследованиями. Так, 14 сентября было совершено нападение на собрание, организованное федерацией сельскохозяйственных рабочих в Мельчор-Окампо, 13 человек были арестованы. В ходе

четырёхнедельной забастовки входивших в ВКТ нефтяников компании «Мексикан галф» в Тампико широко применялся труд штрейкбрехеров, были вызваны войска, открывшие огонь по рабочим, в результате чего один из них был убит, 13 ранены. В ответ на ввод в район 5-тысячных армейских сил, ВКТ объявила всеобщую стачку солидарности как в нефтяной зоне, так и вне ее; крестьяне снабжали бастующих продуктами. Она сопровождалась столкновениями, в ходе которых были использованы пулеметы, новыми репрессиями и арестами. Однако и на сей раз рабочие добились успеха. После этой победы два синдиката откололись от реформистов из КРОМ, которые не поддержали выступление, и вступили в ВКТ [256]. К 1925 г., сообщал секретарь ВКТ Энрике Ранхель в МАТ в письме от 28 августа 1927 г., «мы организовали почти всех рабочих в нефтяных областях страны, которые охватывают штаты Тамаулипас и Веракрус», однако из-за действия властей планы расширить влияние не удалось [257].

В конце 1924 г. к власти в Мексике пришел президент Кальес. Пост секретаря по промышленности, торговле и труду в его правительстве занял лидер КРОМ Моронес. Было принято новое законодательство, которое благоприятствовало КРОМ: на каждом предприятии признавался только один профсоюз, имевший большинство. Сторонники Моронеса составили новые правительственные комиссии по трудовым отношениям — «Хунты по примирению и арбитражу», которые принимали решения в пользу реформистского профцентра. В 1925 г. само существование ВКТ в Федеральном округе оказалось под угрозой. Ряды КРОМ быстро росли. В 1925—1926 гг. число ее членов возросло, по собственным данным, с миллиона до 2 миллионов. В действительности их было вряд ли больше 100 тысяч [258].

Возглавляемая Моронесом фактическая верхушка КРОМ «Группа действия», как писал американский исследователь Г. Паркс, «продолжала проводить программу разрушения независимых профсоюзов и намеревалась завербовать всех мексиканцев, работавших по найму, в ряды КРОМ. Она завладела увеселительными предприятиями... сумела осуществлять неофициальную цензуру над мексиканской прессой. Все же при Кальесе на долю рабочих выпадали некоторые подачи. Заработная плата продолжала расти, предприниматели были ВЫНУЖДНЫ платить возмещение рабочим, получившим увечье или уволенным без уважительной причины. Но гораздо заметнее были преимущества, получаемые " Группой действия" Члены ее построили в Тлалпаме великолепную усадьбу с бассейнами для плавания и площадками для игры в мяч, приобретали гостиницы и через посредников даже фабрики. Моронес носил дорогие бриллиантовые кольца. Критикам он объяснял, что хранит драгоценности в качестве резервного фонда, который рабочий класс сможет использовать в час нужды. На вершине своей власти КРОМ, по ее данным, имела миллиона членов, но только 13 тысяч из них платили членские взносы. Значительная часть богатства КРОМ была приобретена у капиталистов посредством цинтажа. Моронес пришел к заключению, что выгоднее вести с предпринимателями переговоры, чем прибегать к классовой войне. Пока он был министром промышленности, количество стачек значительно [259].

Неудивительно, что КРОМ вела с ВКТ войну на уничтожение. В начале 1925 г. дело нередко доходило до физических столкновений. Напряженность царила 1 мая, во время организованного анархо-синдикалистами «дня борьбы». Снайпер застрелил одного из

членов КРОМ [260]. Кроме того, ВКТ интенсивно преследовали власти. Только в Мехико с мая по август 1925 г. было арестовано 63 человека; 23 подверглись арестам в других районах страны. В Синалоа вооруженные отряды помещиков при содействии властей систематически нападали на сельскохозяйственных рабочих [261]. С июля по декабрь 1925 г. были арестованы в общей сложности 300 членов ВКТ. В Монтсерре в конце января 1926 г. четверо либертариев были арестованы за участие в «анархистском заговоре». В Сан-Луисе-Потоси член ВКТ был обвинен в подготовке покушения на лидера КРОМ Моронеса [262]. На протяжении всех четырех лет правления Кальеса штаб-квартиры ВКТ и ее профсоюзов неоднократно подвергались взрывам бомб, поджогам, нападениям и т.д. Многие члены задерживались или находились в заключении. Только за счет сохранявшегося боевого духа и твердости Либертарного синдикалистского центра удалось стабилизировать членство в ВКТ на уровне 60 тысяч. Но организация находилась в обороне, средств не хватало [263].

4-й конгресс ВКТ 4—10 мая 1925 г. принял резолюцию о создании на предприятиях фабрично-заводских комитетов. Целью этих органов, связанных с соответствующими синдикатами, должна была стать лучшая защита интересов трудящихся в борьбе с предпринимателями. Конгресс высказался за 6-часовой рабочий день и постановил начать соответствующую кампанию. Антимилитаристская резолюция конгресса призывала к борьбе против введения всеобщей воинской повинности. Участники конгресса высказались против единства с реформистскими профсоюзами, но за то, чтобы проявлять солидарность с борющимися рабочими, не входящими в ВКТ, и за оказание им помощи. Было утверждено повышение размеров членских взносов до трех сентаво в месяц. Делегаты ратифицировали решения 11 конгресса МАТ, за исключением того, которое касалось определения размеров взносов. ВКТ сочла, что ее секретариат будет перечислять в Интернационал 1070 от собираемых взносов [264]. Конгресс критиковал правительственную аграрную политику и потребовал немедленно передать помещичью землю крестьянам. Делегаты высказались за развитие рационалистических школ, за прямое действие и против арбитражных «хунт по примирению». Анархо-синдикалисты не желали допускать правительственного вмешательства в трудовые конфликты.

В июле 1925 г. «хунта по примирению» вынесла решение в пользу текстильных предпринимателей фабрик «Ла Меха», «Ла Магдалена» и «Ла Ормига» в районе Сан-Анхель — Контрерас (Федеральный округ). Входивший в ВКТ профсоюз не признал этого решения. Правительство подало на ВКТ в суд, обвинив его в незаконной стачке на «Ла Ормига», препятствии рабочим из КРОМ войти на фабрику «Ла Магдалена» и проведении там нелегальных митингов. Вооруженные отряды сторонников КРОМ стали нападать на рабочих ВКТ, одна работница была убита. Вспыхнули настоящие уличные бои. В августе «хунта примирения» постановила, что если большинство работников на предприятии не входят ни в один из профсоюзов, то никакие профорганизации не имеют право их представлять. В конце концов государственный арбитраж уступил, когда ВКТ добилась от владельцев текстильного предприятия «Сан-Антонио-де-Абад» согласия не принимать рабочих, не состоящих в профсоюзе. [265]. Крупная стачка вновь вспыхнула в августе 1925 г. на нефтепромыслах фирмы «Уастека Ко». Из пяти тысяч рабочих компании почти все входили в ВКТ. 12 августа забастовали рабочие предприятия «Ла Перфкссионерада». Официозная профсоюзная федерация КРОМ приняла решение возобновить работу и послала штрейкбрехеров. Рабочие изгнали приехавших к ним профсоюзных лидеров и вступили в

стихийную стачку против реформистского профцентра. По требованию компании Рокфеллера власти направили в район пять тысяч солдат; были произведены аресты. 14 августа ВКТ объявила бессрочную всеобщую забастовку: в ней приняли участие 23 рабочих союза с общей численностью в 22 тысячи человек. На следующий день администрация уступит, все арестованные были также освобождены. Однако конфликт продолжался. После трех месяцев власти подавили выступление нефтяников вооруженной силой; многие рабочие были уволены, а организация ВКТ разгромлена. Позднее власти предложили передать спор на решение арбитража, однако трудящиеся предпочли объявить новую стачку [266]. В 1925 г. ВКТ организовала также забастовку рабочих пекарен в Федеральном округе.

Аграрная проблема оставалась ключевой в стране. Провозглашенная правительством аграрная реформа осуществлялась крайне медленно и не могла утолить земельный голод подавляющего большинства населения. ВКТ приняла решение усилить работу в деревне. В декабре 1925 г. в Гвадалахаре прошел первый конгресс Всеобщей крестьянской федерации ВКТ. 82 делегата представляли 383 местных синдиката из более чем 10 штатов. Делегаты обсудили вопросы повышения оплаты труда работников сельского хозяйства и высказались за установление фиксированной минимальной оплаты труда рабочих в этой отрасли и за то, чтобы арендаторы не отдавали помещикам больше чем одну пятую часть урожая. По предложению делегата от аграрной общины Тиахомулько (штат Халиско) было утверждено требование о 6-часовом рабочем дне. Участники высказались за оказание сопротивления вооруженным отрядам помещиков, за захват земель трудящимися методами прямого действия и объединение работников в вольные коммуны, соединяющиеся затем в федерации для взаимной помощи и обороны от правительства и помещиков [267]. Однако к лету 1927 г. в деятельности федерации снова наметился застой [268].

Правительство президента Кальеса, именовавшего себя СОЦИИстом и опиравшегося на поддержку КРОМ, попыталось разгромить одну из самых боевых организаций ВКТ — текстильщиков. В сентябре 1925 г. ВКТ вновь заявила об отказе признать «хунту по примирению» в текстильном районе Федерального округа. Ведомство Моронеса объявило о запрете ВКТ и всех ее стачек. В октябре анархо-синдикалисты отказались участвовать в созванном Моронесом совещании, заявив, что они «не сотрудничают с политиками». Когда секция КРОМ на фабрике «Ла Каролина» в Мехико, где работали две тысячи рабочих, заключила пакт с предпринимателями об арбитраже, работники вышли из реформистского профобъединения и вступили в ВКТ. КРОМ вызвала войска, произошли столкновения. На фабрике «Ла Магдалена» в Контрерасе рабочие изгнали за ворота 17 членов КРОМ, та попыталась вернуть их с помощью солдат. В ответ на вызов войск начались забастовки солидарности. Федерация текстильщиков ВКТ объявила 20 ноября 1925 г. всеобщую стачку всей текстильной промышленности города, со 2 декабря она распространилась на всю провинцию. 7 декабря полиция прорвала пикеты ВКТ. Анархо-синдикалисты ответили спорадическими прекращениями работы по всему округу. В январе 1926 г. 50 членов ВКТ были уволены с фабрики «Ла Магдалена», для защиты членов КРОМ были размещены войска.

Рабочие Сан-Анхеля, присоединившись к забастовке, отправились в Контрерас, чтобы помочь рабочим «Ла Магдалены» отразить осаду со стороны армейских частей и полиции.

По дороге завязался кровавый бой с солдатами полиции, и те вынуждены были отступить под револьверным огнем рабочих. После этого все рабочие округа Сан-Анхель начали всеобщую забастовку. Правительство ввело осадное положение и произвело аресты рабочих, обвиненных в убийстве четырех солдат. В Нуэво-Лсоне местные синдикаты организовали митинг в Монтеррее в знак протеста против событий в Сан-Анхеле. На основании закона об осадном положении собранис было разогнано войсками, произведены аресты (среди арестованных были Родольфо Самора и Хуан де Рамирес, обвиненные в государственной измене). Помещение синдиката рабочих пекарен было закрыто. В Сан-Луис-Потоси полиция закрыла бюро либертарных профсоюзов и синдиката сельскохозяйственных рабочих. Длительный конфликт был все-таки разрешен в пользу рабочих: 2 января 1928 г. стачка на «Ла Магдалене» завершилась успехом [269].

В 1926 г. КРОМ отказалась от попыток проникновения в бастионы ВКТ, сосредоточившись на привлечении неорганизованных рабочих, и уровень насилия несколько спал [270].

22 февраля 1926 г. ВКТ провела 24-часовую стачку за 6-часовой рабочий день. В Монтеррее забастовка стала бессрочной, сопровождаясь демонстрациями и арестами. Через 36 часов борьбы все арестованные были освобождены, кроме Эрнандеса, у которого нашли бомбу. Манифестации и забастовки прошли также в Тампико, Дурандо, Сае-Луис-Потоси, Веракруссе, Гвадалахаре. Организации ВКТ в Мехико организовали шествие в столице под революционными лозунгами, проводя митинги на всех площадях и перекрестках.

В Синалоа весной 1926 г. вспыхнула забастовка промышленных рабочих, сопровождавшаяся демонстрациями против провокаций властей. С января 1926 г. в ВКТ выступили 10 новых синдикатов [271]. К лету анархо-синдикалистам удалось расколоть одну из крупнейших организаций КРОМ — федерацию книгопечатников, значительное число членов присоединилось к ВКТ [272].

1—9 июля 1926 г. проходил 5-й конгресс ВКТ. 300 делегатов представляли 298 местных синдикатов и 15 рабочих крестьянских коммун, или, в общей сложности, 98 тысяч членов. Среди самых сильных, боевых и революционных союзов были организации текстильщиков, транспортников, рабочих «Железного дворца», пекарей, работников телефонной компании. В работе форума принимали участие виднейшие активисты движения Рафаэль Кинтеро, Родольфо Агиррес, Валадес, Араос де Леон и др.

Конгресс избрал новый состав органов ВКТ, руководителей агитационной Комиссии, интернационального корреспондента ВКТ и делегата в МАТ, членов Комитета помощи политзаключенным. Большое внимание на конгрессе было уделено подготовке к созданию Американской континентальной ассоциации трудящихся, конгресс которой должен был произойти в аргентинской столице. Делегаты постановили также провести кампанию агитации за освобождение Сакко и Ванцетти.

Конгресс единодушно провозгласил конечной целью ВКТ анархистский коммунизм. Он призвал «решительно и верно следовать дорогой к социальной революции и анархистскому коммунизму, проложенной Михаилом Бакуниным» и поручил свои организации соответствующим образом воспитывать своих членов. Было подтверждено членство в МАТ,

создан специальный комитет для работы за освобождение политзаключенных. Делегаты вновь потребовали аграрной реформы и объявили о создании крестьянских оргкомитетов [273]. Конгресс постановил повысить размеры членских взносов до пяти сентаво в месяц, но взносы по-прежнему оставались не строго обязательными, и организации на местах имели возможность приспосабливать эти нормы к своим обстоятельствам. Как признавал секретарь ВКТ в письме в МАТ в августе 1927 г., установленные размеры взносов почти нигде не соблюдались. Движение больше рассчитывало на стихийную солидарность и помощь членов и сторонников [274].

По решению 5-го конгресса в промежутках между высшими форумами конфедерации стали созываться пленумы делегатов от входящих в ВКТ организаций. В июле 1927 г. был организован первый такой пленум в Мехико; в его работе приняли участие делегаты от федераций из Монтеррея, Веракруса, Гвадалахары, Федерального округа, Лагунного региона, Тампико и от федерации текстильщиков. Обсуждались в первую очередь внутренние проблемы и трудности организации, однако их так и не удалось разрешить до конца. Был избран новый Федеральный секретариат. Участники призвали организации выполнять свои финансовые обязательства, постановили издать 25-тысячным тиражом брошюру Д. Абада де Сантьяна о 6-часовом рабочем дне, обсудили вопросы оживления крестьянской федерации, отношение к проблеме нарастающего насилия [275].

Продолжалось оформление профсоюзных федераций ВКТ в масштабе страны. 14—16 марта 1926 г. в Веракрусе состоялся учредительный конгресс федерации работников пищевой промышленности. В январе 1927 г. в Сан-Луис-Потоси был организован конгресс шахтеров, в марте 1927 г. — конгресс революционных железнодорожников [276].

В августе 1926 г. конфедерация организовала типографию для издания своего печатного органа и еженедельника «Ла Баталья». Средства были взяты в кредит, и анархо-синдикалисты остались должны 1 тыс. песо Союзу механиков — независимой профорганизации железнодорожников, испытывавшей определенные симпатии к ВКТ. Однако после выхода четвертого номера еженедельника типографию пришлось закрыть из-за материальных трудностей. Через короткое время ее смогли вновь открыть, однако после девятого номера издание окончательно прекратилось, и до мая 1927 г. ВКТ оставалась без печатного издания. Властям и КРОМ удалось принудить союз книгопечатников вновь выйти из ВКТ. Лишь 10 мая 1927 г. анархо-синдикалисты стали издавать новый орган — «Верборохо». После двух выпусков публикация была вновь приостановлена и возобновлена на регулярной основе в 1928 г. [277].

Анархо-синдикалисты в этот период продолжали активную забастовочную борьбу. Они пытались поддержать стачку на железных дорогах, объявленную Союзом механиков 4 декабря 1926 г. Ранее, в 1922—1923 годах механики оказывали помощь забастовкам, которые проводила ВКТ. Теперь ВКТ выступила за всеобщую стачку железнодорожников, чтобы помочь механикам. КРОМ отвергла призыв к забастовке и направила своих членов на работу взамен бастующих. Власти сочли движение незаконным. Исполком Конфедерации работников транспорта и коммуникаций (бывшей Конфедерации союзов железнодорожников), который возглавлялся коммунистами, жаловался на то, что механики забастовали на свой страх и риск, не предупредив других железнодорожников, но все же

попытался организовать общее выступление. В нем приняли участие 6070 рабочих отрасли. В феврале 1927 г. ВКТ также объявила всеобщую стачку солидарности своих членов в Федеральном округе. Однако руководства отдельных союзов, которые входили в Конфедерацию транспортников, не могли договориться между собой, и из-за внутреннего противоборства между коммунистами и их противниками всеобщая стачка на железных дорогах была сорвана. Большая часть из 20 тысяч бастовавших постепенно вернулась на работу. После пяти дней ВКТ прекратила стачку солидарности, недовольная формами, которые приняла забастовка на железных дорогах. В текстильной промышленности начатая ею стачка продолжалась еще свыше недели [278].

В Тампико ВКТ организовала в середине 1927 г. забастовку нефтяников фирмы «Ла Агила» («Игл»), власти направили войска, на что рабочие отвечали актами саботажа; вспыхивали перестрелки. В ответ на действия вооруженной охраны компании рабочие подожгли нефтяные источники, устроили крушение поезда компании и физически устранили нескольких начальников и надзирателей. Как обычно, ценой стали преследования организации ВКТ и высылка многих ее членов. Некоторые из высланных организовали аграрную коммуну и заявили о своем намерении продолжать борьбу за анархистские идеалы ВКТ [279].

Федерация сельскохозяйственных рабочих ВКТ в 1926 г. выдвигала требование экспроприации земли трудящимися. В Эль Саусе (штат Веракрус) общины сельскохозяйственных рабочих, осуществляя решения конгресса, захватили землю и оказывали длительное сопротивление посланным против них войскам. Власти арестовали редактора анархистского журнала «Сагитарио» Либрадо Риверу и двух других либертариюв — Ф. Ибарра и Ф. Флорес; типография была разрушена. ВКТ призвала к повсеместному созданию комитетов поддержки арестованных [280].

Несмотря на преследования, конфедерации удалось во второй половине 20-х годов несколько укрепить свои позиции на селе. В штате Веракрус и в соседних штатах в 1927 г. ВОЗНИЮЛО много новых организаций сельскохозяйственных рабочих, и в феврале 1928 г. в Оахакс была организована конференция организаций сельскохозяйственных рабочих региона. В феврале 1928 г. на местном конгрессе, созванном федерацией рабочих и сельскохозяйственных рабочих Веракруса, обсуждались главным образом аграрные вопросы: снабжение городских трудящихся продуктами питания без вмешательства посредников, способы обобществления богатств и результатов труда, образование жителей сельской местности и их детей без каких-либо политических и религиозных предрассудков [281].

В конце 1927 г. ВКТ обладала существенным влиянием в Федеральном округе, особенно среди текстильщиков и обувщиков. Число членов и организаций в этом районе постоянно колебалось (так, к этому моменту количество синдикатов сократилось с более чем 50 до более 30). Активно работали анархо-синдикалисты в штате Нуэво-Леон: они организовали федерацию в Монтеррее, сотрудничали с единомышленниками в Гомес-Палисио (штат Дуранго). В апреле 1927 г. в штатах Дуранго и Коауила была основана Федерация Лагунной зоны, состоявшая из четырех организаций. Вместе с местной организацией из Монтеррея они соединились во Всеобщую федерацию Северного региона. Ей удалось потеснить КРОМ.

В мае 1928 г. конгресс, созванный федерацией Монтеррея, обсуждал пути сопротивления наступлению предпринимателей и борьбу за 6-часовой рабочий день.

К ВКТ присоединилось несколько профсоюзов шахтеров в штате Коауила. Существенным влиянием пользовалась ВКТ в штатах Тамаулипас и Веракрус, а также в Халиско и Синалоа. Несмотря на трудности, сохранялась организация в нефтяном районе Тампико. В Веракрусе действовали сельскохозяйственные синдикаты в Арболь-Гранде, Сесилия, Мирамаре и на берегах реки Пануколиндано (штат Веракрус). Значительная по размерам федерация ВКТ существовала в городе Веракрус, хотя от нее отошла ее традиционная опора — докеры, а также пекари, исключенные за допуск в свои ряды политических лидеров. Бастионом организации сельскохозяйственных работников был Эль-Саусе. В Синалоа в ВКТ входили преимущественно сельскохозяйственные рабочие и работники сахарной промышленности. В целом в численном отношении ВКТ была наиболее сильна в Федеральном округе и Монтеррее, в том, что касается революционной активности, — в Тампико и Тамаулипасе [282].

В начале 1928 г. местные союзы ВКТ активно вели трудовые конфликты и нередко достигали успеха. В Веракрусе текстильщики фабрики «Ла Флорида» добивались признания профсоюза и заключения с ним колдоговора, оплаты дней забастовки и выплаты работникам компенсации. На предприятии той же отрасли «Линера» в Федеральном округе трудящиеся добились в результате стачки соглашения о повышении зарплаты на 10—1570. На текстильной фабрике «Эль Морино» рабочие принудили предпринимателей признать их организацию. В виноградарстве трудящиеся достигли повышения оплаты труда на 1870. На ряде других фабрик зарплата возросла на 25—3070 [283].

Весной 1928 г. ВКТ (наряду с КРОМ) поддержала стачку, парализовавшую на 4 месяца текстильную фабрику «Рио-Бланко». Летом 1928 г. конфедерация добилась новых успехов. июля началась продолжавшаяся 2 месяца забастовка рабочих пекарен Монтеррея; она закончилась победой трудящихся. В Мехико 26 августа забастовали работники телефонной связи, которая находилась под контролем фирмы «Эриксон». Почти все они состояли в ВКТ. Стачка 1000 трудящихся за улучшение условий коллективного договора парализовала все телефонное сообщение в столице. После пяти дней борьбы компания уступила. Рабочие химических предприятий «Байер» вышли из КРОМ, не поддержавшей их требования о безопасности труда, вступили в ВКТ и объявили забастовку [284].

Однако укрепление ВКТ было непрочным. Тяжелая экономическая ситуация, большая безработица [285] и отсутствие средств сдерживали развитие анархо-синдикалистского профцентра, который вынужден был вести главным образом оборонительные бои и не всегда мог отразить атаки предпринимателей, властей, КРОМ и политических группировок [286]. Сохранялись острые организационные проблемы. Во время конгресса 1926 г. Секретариат сообщал, что в ВКТ состоят около 100 тысяч членов. «Однако за последнее время по причине проникновения реформистов... а также продолжающихся жестоких преследований... связи между Секретариатом и группами в отдельных областях сильно ослабли... — писал секретарь ВКТ Ранхель МАТ в августе 1927 г. — Мы можем сказать, что в порыве воодушевления... число наших членов на последнем конгрессе было преувеличено. Но мы можем с уверенностью утверждать, что количество стоящих за нами рабочих масс

превышает 50 тысяч» [287].

6-й конгресс ВКТ в мае 1928 г. обсудил, среди прочего, развитие анархо-синдикалистского движения в деревне. В резолюции конгресса отмечалось, что социальное освобождение может быть достигнуто только совместными усилиями городских и сельских трудящихся. В соответствии с теорией либертарного коммунизма, ВКТ отвергала идею частной собственности на землю, призывала бороться с предлагаемым политиками разделом земли и поддерживала создание сельскохозяйственных общин, члены которых совместно работают и делят продукты своего труда, удовлетворяя потребности всех. Делегаты конгресса призвали создать Всеобщую федерацию сельскохозяйственных рабочих по всей стране. Такая федерация должна была состоять из местных союзов («либертарных общин сельскохозяйственных рабочих») и окружных союзов. Местные организации промышленных рабочих ВКТ должны были каждые две недели посылать своих членов на село для организации работы. Общины были обязаны информировать Федеральный комитет ВКТ о возможности создания сельских школ, а синдикаты — посылать по этим заявкам учителей. Делегаты конгресса указали на то, что необходимо немедленно приступить к созданию в аграрных общинах складов промышленных товаров, находящихся под управлением местных организаций и служащих основой потребления и обмена между городом и деревней.

По вопросу организации промышленных рабочих конгресс постановил, что конфедерация состоит из местных профессиональных или отраслевых синдикатов, объединенных в окружные союзы и общенациональные федерации. Синдикаты всех отраслей и профессий в одной местности образовывали местный союз. ВКТ выступала против «гражданского мира» и принятого закона о государственном арбитраже в трудовых вопросах [288].

«Ясно, что мы пытаемся обойти эти арбитражные суды по двум причинам, — объяснял Э. Ранхель. Во-первых, они созданы правительством, которое всегда вмешивается в интересах капитала, а затем — они составлены из членов "желтых" организаций... Итак, мы ведем борьбу с этими судами по всюду» [289].

В связи с экономическим кризисом в Мексике, закрытием предприятий и массовыми сокращениями работников, ВКТ рекомендовала 6-часовой рабочий день и революционный захват предприятий. Организация вновь отвергла идею союза с реформистскими рабочими организациями, постановив, что любая акция солидарности возможна только по решению референдума среди членов соответствующей федерации ВКТ. Делегаты постановили также, что следует уделять особое внимание пропагандистской работе среди женщин, а также наладить более тесное взаимодействие местных синдикатов с окружными и общенациональными союзами в борьбе с фашизмом, причем каждый пропагандистский округ должен был раз в полгода проводить соответствующую пропагандистскую акцию. Конгресс обсудил издание органа ВКТ — газеты «Вербо рохо», постановив выпускать ее за счет отдаленных синдикатов. Делегаты призвали к организации революционных культурных групп. Отраслевые федерации должны были создать комитеты по пропаганде 6-часового рабочего дня, издавать листовки и т.д.

В отличие от других латиноамериканских анархо-синдикалистских союзов, ВКТ не отвергала практику коллективных договоров, но полагала, что за них следует бороться

скоординированно, методами прямого действия. 6-й конгресс ВКТ постановил, что федерации должны через конфедеральные органы ВКТ информировать всех о размерах зарплаты и условиях труда в соответствующих отраслях, чтобы облегчить тем самым совместные действия. Конгресс высказался за то, чтобы регулирование зарплаты проводилось в согласованное время по всем отраслям сразу, причем условия трудовых соглашений должны быть известны всем членам. Делегаты постановили, что в эти условия ни в коем случае нельзя включать возможность сдельной оплаты труда. Они рекомендовали федерации текстильщиков бороться за замену коллективного договора 1925— 1926 годов другим, более выгодным для рабочих.

Наконец, конгресс подтвердил членство ВКТ в МАТ и необходимость проведения Панамериканской конференции революционных рабочих союзов [290].

В основном 6-й конгресс подтвердил революционный профиль конфедерации. Но, как отмечал исследователь мексиканского анархизма Джон Харт, «в 1928 г., несмотря на сохранявшуюся анархо-синдикалистскую риторику и членство в МАТ, начали проявляться признаки растерянности и разрыва с ее революционным рвением» [291]. Эти элементы дезориентации сказались и на конгрессе. Группа анархистов была исключена, как заявляли позднее мексиканские либертарианцы, «рабочими демагогами, опьяненными желанием занять от имени организации правительственные посты» [292].

Тем временем в отношениях между правительством и КРОМ произошел поворот. Моронес находился в плохих отношениях с генералом Обрегеном, который был избран новым президентом страны. После убийства генерала в июле 1928 г. лидер КРОМ подвергся критике. Он сам и его сторонники покинули правительственные посты. Когда Кальес в декабре 1928 г. поддержал кандидатуру в президенты Портеса Хилья в противовес группе Моронеса, начался массовый исход профсоюзов из профцентра. К середине 1929 г. объединение, созданное при правительственной поддержке, стало распадаться. Гегемония КРОМ была сломлена [293]. Из нее вышли профсоюзы полиграфистов, железнодорожников, текстильщиков. Эти союзы, а также федерация трудящихся Федерального округа, рабочие федерации штатов Веракрус, Мичоакан, Гуанахуато, Тамаулипас, Хииско и федерация текстильщиков в 1929 г. заключили пакт с ВКТ, численность которой составляла в 1930— 1931 годах 80 тысяч. В КРОМ, по официальным данным, оставалось теперь не более 100 тысяч членов [294].

Воспользовавшись ослаблением КРОМ попытались мексиканские коммунисты, выдвинувшие лозунг «единства рабочего движения». Они стремились воспользоваться авторитетом ВКТ как альтернативного профцентра, чтобы сплотить оппозиционные профсоюзы, а затем избавиться от анархо-синдикалистов.

22 сентября 1928 г. по инициативе руководимой компартией Национальной федерации транспортников в Мехико была проведена конференция, в которой приняли также участие делегаты комитета ВКТ, входящего в ВКТ Союза текстильщиков Мехико, а также Рабочих федераций Халиско и Тамаулипаса, Рабоче-крестьянской лиги Коауилы, Рабоче-крестьянской конфедерации Наярита, Национальной крестьянской лиги, Союза рабочих пекарен. За единство выступили также принадлежавшие к КРОМ союзы текстильщиков

Пуэблы и Атлиско. На конференции был образован Комитет по созыву национальной ассамблеи рабочих и крестьян (КНАРК) [295]. В него вошли официально по два представителя от ВКТ (Фелипе Кинтас и Мануэль Гомес), Национальной крестьянской лиги, Конфедерации транспортников, Рабоче-крестьянской лиги Коауилы, Рабоче-крестьянской конфедерации Наярита и Рабочих федераций Халиско и Тамаулипаса (первую представлял, в частности, лидер коммунистов Давид Альфаро Сикейрос). Аналогичные комитеты создавались в штатах и территориях страны. В выпущенном заявлении указывалось, что эти организации были до сих пор «в некоторых случаях почти антагонистическими», но теперь договорились пойти на взаимные уступки, «порвать с разделением», вредящим рабочему движению, и подготовить манифест с призывом объединить силы «против общего врага», пользующегося разобщенностью и слабостью рабочих, и готовить проведение Национальной ассамблеи рабочих и крестьян. КНАРК предлагал другим рабочим организациям присоединяться к этой инициативе и намеревался развернуть широкую пропаганду по привлечению их к ассамблее. В качестве основы для объединения был выдвинут ряд экономических и социальных требований. Они включали: борьбу с безработицей и сокращением занятости, увольнениями и сокращением зарплаты, прогрессирующее повышение зарплаты и сокращение рабочего времени, внедрение коллективных трудовых договоров, взятие земли крестьянами без каких-либо помех или ограничений, ликвидацию отрядов, созданных помещиками («белых гвардий»), и прекращение разоружения крестьянских сил самообороны и т.д.

Комитет, как подчеркивалось в его «конститутивных основах», носит «исключительно профсоюзный», «исключительно экономический характер», без каких бы то ни было политических задач. Вошедшие в него организации обязались уважать существующие между ними идейные различия и оказывать друг другу «солидарную помощь» [296].

В том же духе был выдержан и выпущенный позднее комитетом «Манифест к рабочим и крестьянским организациям страны». Он содержал те же обязательства, требования и призывы и объяснял решение о сотрудничестве тяжелым положением мексиканских трудящихся: массовым закрытием предприятий, увольнениями и сокращением зарплаты, репрессиями против рабочих и крестьянских организаций, саботажем дела передачи земли крестьянам и террором со стороны помещиков [297].

Вступив в блок с коммунистами было кардинальным изменением линии конфедерации. Прежде она выступала как непримиримый противник компартии, Профинтерна и призывов к объединению рабочего движения. Однако ухудшение экономического положения и наступление предпринимателей побудило лидеров искать сотрудничества с другими профсоюзами [298]. Не исключено также, что они рассчитывали извлечь для себя выгоды из планов сплочения противников КРОМ. Однако если такие надежды существовали, то им не было суждено сбыться. Коммунисты и их сторонники имели большинство в КНАРК: из ССМИ вошедших в него организаций они руководили шестью (кроме ВКТ) и, как писал секретарь коммунистической фракции комитета Сикейрос, «мы полностью контролируем его» [299].

Тем не менее по тактическим соображениям коммунисты предпочитали до поры до времени не афишировать свои замыслы по установлению контроля над рабочим движением.

Редактирование манифеста КНАРК к мексиканским трудящимся было поручено ВКТ. Однако руководство редакции печатного органа комитета «Унидад синдикаль» находилось в руках коммунистов. Чтобы не испугать и преждевременно не оттолкнуть оппонентов, сторонники компартии и Профинтерна образовали в рамках К НАРК коммунистическую фракцию и параллельный тайный комитет. В него вошли организации, состоявшие в К НАРК (рабочие федерации Халиско и Тамаулипаса, Национальная крестьянская лига, рабоче-крестьянские объединения Коауилы и Наярита), а также Палата труда Нуэво-Леона, Конфедерация рабочих и крестьян Дуранго, Лига содействия профсоюзному единству железнодорожников, а также представители Национальной рабочей конфедерации Кубы в Мексике [300].

Как сообщали мексиканские коммунисты в Профинтерн, столкнувшись с их планами в КНАРК, «анархисты и социалисты энергично восстали», заявив, что задачи органа сводятся к созыву национальной рабоче-крестьянской конференции, а не к фракционной деятельности. Тогда с согласия ЦК компартии был создан упомянутый параллельный орган, получивший название «Комитет пролетарской защиты». Он должен был также содействовать подготовке Латиноамериканской профсоюзной конференции Профинтерна [301]. Нелегальный комитет призван был стать центром сплочения сторонников компартии в профдвижении. В его задачи входило, среди прочего, «немедленно приступить к созданию местных комитетов, а кроме того, к объединению наших групп» в профсоюзах, «руководимых соглашательскими элементами: КРОМ, ВКТ и др.». Внутри этих «бюрократических и оппортунистических» организаций надлежало вызывать «антагонизм между вождями, проникнутыми мелкобуржуазной идеологией, и рабочей массой» [302]. Под этим понимался, в том числе, подрыв влияния анархо-синдикалистов — союзников по новому блоку.

Показательно, что лидер компартии Сикейрос просил зарубежных коммунистов, публикуя получаемую от него информацию, учитывать ее «конфиденциальный характер» и опускать «все то, что касается анархо-синдикалистов и нашей фракционной работы в этом комитете» [303].

В декабре 1928 г. к КНАРК присоединилась Федерация электриков. После этого комитет был преобразован в Организационный совет Национальной ассамблеи рабочего и крестьянского объединения. Из трех членов президиума Совета двое были коммунистами (Сикейрос и Фернандес), один — анархо-синдикалистом из ВКТ (Кинтас). Созыв объединительного конгресса был намечен на 1929 г., но «Комитет пролетарской защиты» исходил из того, что объединить всех не удастся [304]. Коммунисты явно рассчитывали вытеснить анархо-синдикалистов, и в целом им это удалось. В январе 1929 г. съезд в Мехико учредил Мексиканскую унитарную конфедерацию профсоюзов под полным контролем коммунистов.

Процессы перегруппировки сил в рабочем движении происходили на фоне роста реформизма правительства в «рабочем вопросе» и усиления государственных иллюзий среди трудящихся. Был подготовлен новый трудовой кодекс, предусматривавший расширение государственного вмешательства в трудовые отношения. С 1 июля 1929 г. по 30 июня 1930 г. органы арбитража вмешались в 402 конфликта, многие были разрешены в пользу рабочих [305].

ВКТ все еще оставалась в оппозиции против политических партий и движений. В 1929 г. в связи с новым политическим кризисом и восстанием Г. Эскобара ВКТ выпустила манифест, в котором отмежевывалась от военного мятежа, осудила всех политиков и подчёркнула, что рабочие не должны служить политическим партиям [306].

В работе 7-го конгресса ВКТ (21—29 июля 1929 г.) принимали участие не только делегаты от ее синдикатов, но и представители независимых профсоюзов. ВКТ, союзы железнодорожников, электриков и профсоюзная федерация Федерального округа создали совместный Организационный комитет для обсуждения возможности объединения рабочего класса страны на почве революционного синдикализма. Было заключено соглашение о солидарности, оставлявшее за всеми участниками полную идейную и тактическую самостоятельность.

Конгресс ВКТ принял решение создать повсюду, где это возможно, отраслевые федерации, а там, где силы ВКТ слабы, — местные или региональные межпрофессиональные федерации с отделениями на предприятиях. Образование отраслевых федераций должно было осуществляться снизу, начиная с первичной ячейки — отраслевого синдиката на отдельной фабрике (если число членов ВКТ на предприятии было не менее 50).

Делегаты постановили, что синдикаты ВКТ должны каждые 4 месяца присылать в Федеральный комитет данные об уровне зарплаты и условиях жизни работников. После этого комитет вместе с организациями ВКТ устанавливал требования по зарплате для всей страны. Вновь обсуждался вопрос об организации сельскохозяйственных рабочих. Было решено, что их синдикаты и коммуны проведут при поддержке ВКТ конгресс в Мехико для создания общей федерации. Делегаты высказались за усиление агитации в деревне, особенно против алкоголизма и оглушения масс. Была подтверждена общая ориентация на захват земли. Конгресс определил размеры членских взносов и избрал новый состав Федерального комитета.

В то же время на 7-м конгрессе сказались и признаки идейного и тактического кризиса организации. Большинство голосов конгресс постановил, что ВКТ должна принять участие в комитетах и судах по трудовому арбитражу. Это решение, представлявшее собой радикальный разрыв с прежней тактикой ВКТ, вызвало серьезные возражения и подлежало одобрению со стороны отдельных синдикатов. Проявилось и стремление части членов пересмотреть Декларацию принципов организации. Так, было решено провести среди членов референдум о признании либертарного коммунизма или коммунистического анархизма [307].

В КТ, отмечал исследователь мексиканского анархизма Дж. Харт, потеряла чувство ориентации. «Большинство из ее 80 тысяч членов находилось в Федеральном округе, и руководство переживало период наиболее тесных и гармоничных отношений с правительством (после начала краха КРОМ. — Примеч. В.Д.). Ввиду наглядно выросших мощи и стабильности правительства, многие из старых лидеров ВКТ были теперь согласны с новыми членами, ранее состоявшими в КРОМ, что прямое действие, анархия и революционный синдикализм нереалистичны... Это растерянность и солидный возраст привели ряд бывших лидеров ВКТ-ЛСЦ к отказу от борьбы, подобно тому как это произошло

в случае с поражением Дома рабочих мира. Ощущение поражения усиливалось присутствием бывших лидеров КРОМ, которые пропагандировали выгоду сотрудничества с правительством. С 1929 по 1931 г. ВКТ переживала двухлетний кризис идентичности, время разногласий и колебаний. Кинтеро, Лопес Донес, Арсе и Валадес теперь отсутствовали. Когда этот промежуток времени завершился, основная масса лидеров ВКТ, несмотря на оппозицию членов в ТавлпикО, была впервые готова к сотрудничеству с правительством»

Решение конгресса конфедерации об участии в деятельности комитетов по арбитражу, созданных правительством вместе с КРОМ, привело к острым разногласиям в либертарном движении Мексики, в том числе на страницах «Вербо рохо». Большинство членов ВКТ склонялось к тому, чтобы отвергнуть государственный арбитраж. Несмотря на эти споры, профобъединение добилось в 1929 г. новых организационных успехов. К ВКТ присоединился вышедший из реформистского движения 5-тысячный профсоюз рабочих медных рудников в Санта-Росалия (штат Нижняя Калифорния). Сельскохозяйственные рабочие из многих штатов усилили сотрудничество между собой и провели в начале года конгресс, на котором обсуждался вопрос об улучшении организации борьбы за свободные коммуны. Продолжали сказываться финансовые трудности: газета «Вербо рохо» выходила нерегулярно [309].

В июне 1930 г. состоялся 8-й конгресс ВКТ. Перед этим собралась конференция анархистов «Вербо рохо», входящих в ВКТ. Победу на съезде одержало революционное крыло. Делегаты высказались за отмену прежнего решения об участии в арбитражных комитетах и осудили проект нового трудового кодекса, который суИЕСТВСННО расширял государственное вмешательство в трудовой сфере, давая властям право разрешать профсоюзы и забастовки, вести переговоры со сторонами в трудовом конфликте и обязывать их выполнять соглашения. Было аннулировано также решение 7-го конгресса об объединении с другими рабочими организациями. Делегаты постановили созвать новый конгресс для организации федерации работников сельского хозяйства, осудили действующие аграрные законы и призвали поддержать морально и добровольными взносами либертарные аграрные коммуны ЭльСаусе. Были подтверждены требования о 6-часовом рабочем дне и решение о том, что синдикаты должны присылать информацию о зарплате в Федеральный комитет для согласования материальных требований трудящихся. Конгресс постановил усилить культурную работу, установил новый размер членских взносов. Делегаты решили также образовать Комитет поддержки социальных заключенных и потребовал от правительства СССР освободить итальянского анархиста Б. Гецци [310].

Тем не менее признаки кризиса в мексиканском движении становились все более явными. «Экономический кризис ощущается и в Мексике, и организация ощущает его, — констатировалось в отчете Секретариата МАТ о состоянии Интернационала в 1930 г.

Число членов сократилось. Уровень культуры мексиканского пролетариата остается очень низким...» [311]. Переход рабочих в ВКТ оказался кратковременным. В 1931 г. в Мексике отмечался уже общий спад рабочего движения, который захватил как КРОМ, так и ВКТ [312].

Куба: объединение рабочего движения и его разгром диктатурой Мачадо

На Кубе анархисты традиционно пользовались широким влиянием в рабочем движении, хотя «чисто» анархо-синдикалистские профсоюзы здесь так и не сложились. Тем не менее оплотом анархо-синдикалистов считался возникший в начале 1920-х годов Союз работников фабричной промышленности, издававший еженедельный орган «Эль Прогресо» и ставший к середине десятилетия крупнейшим профсоюзом Гаваны [313]. Анархистские и синдикалистские активисты выступили инициаторами создания в 1921 г. Рабочей федерации Гаваны (РФГ). К октябрю 1925 г. в нее входили: союз рабочих сигарной промышленности (1,5 тысячи членов), союз рабочих трамвайной компании «Гавана электрика» (1,2 тысячи), Всеобщий профсоюз рабочих компании «Ла Мундиаль» (1,3 тысячи), профсоюз рабочих-слесарей (200), союз маляров (200), профсоюз мраморщиков (100), Всеобщая ассоциация типографов (450), профсоюз строительной отрасли (400), профсоюз литографов (200), профсоюз деревообделочников (200), ассоциация электриков (200), профсоюз металлистов (100), союз работников по гипсу (500), профсоюз хористов и статистов (50), союз продавцов мороженого (150), профсоюз щеточников (100), союз служащих кафе (300), а также Рабочая федерация порта (2,5 тысячи) и Национальный союз линотипистов (200). Кроме того, в столице действовали союз цѐлкопрядильщиков Гаваны и Пинардель-Рио (8 тысяч членов), профсоюз вагоновожатых и кондукторов (3 тысячи), союз шоферов Гаваны (800) и др. [314].

При участии анархистских групп анархо-синдикалисты организовали профсоюзы рабочих сахарного тростника и железнодорожников в провинции Камагуэй. В Пинар-дель-Рио анархисты вели заметную работу среди промышленных и сельскохозяйственных рабочих, в результате которой был создан Всеобщий профсоюз трудящихся Сан-Кристобалья [315]. Влиятельными рабочими объединениями за пределами столицы были также союз береговых плотников, союз судостроителей и т.д. [316]

В 1924 г. на анархистском конгрессе была создана Федерация анархистских групп Кубы. Она выступала вдохновителем стачек, распространяла агитацию. Отдельные анархистские газеты объединились в общий журнал «Тьерра!», который распространялся среди широкого круга читателей [317]. 27 сентября 1924 г. по инициативе анархистов на Кубе была организована всеобщая стачка против прибытия корабля из фашистской Италии [318].

В середине декабря 1924 г. в Гаване вспыхнула стачка рабочих сахарной промышленности. В знак солидарности с ними забастовали работники других отраслей, в особенности железнодорожники Севера и Востока страны. Часть железнодорожников, находившихся под влиянием реформистов, отказалась поддержать движение. 50 бастовавших рабочих сахарной промышленности было арестовано. Однако трудящиеся продолжали борьбу. Правительство вынуждено было вмешаться и организовать переговоры. В итоге предприниматели уступили: они ВЫНУЖДНЫ были признать профсоюзы, восстановить уволенных забастовщиков на работе и сократить рабочее время [319]. В 1925 г. власти объявили амнистию участникам стачечного движения, обвиненным в организации актов

саботажа [320]. Активную помощь забастовкам рабочих сахарной промышленности в 1924—1925 годах оказывал видный анархо-синдикалист Альфредо Лопес, секретарь РФГ [321].

В начале 1925 г. на Кубу приехали известные испанские анархисты Доминго и Франсиско Аскасо и Буэнавентура Дуррути. Большинство других анархистов из Испании, которые находились на острове, считали, что движение должно сосредоточиться исключительно на пропаганде и распространении идей по причине низкого образовательного и культурного уровня многих кубинских трудящихся. Однако вновь прибывшие доказывали, что агитация без действия бесплодна. Аскасо и Дуррути, устроившиеся на работу в порту Гаваны, убеждали портовых рабочих не доверять профсоюзным бюрократам, а самоорганизоваться и образовать собственный синдикат. Дуррути активно выступал на собраниях рабочих порта. В конце концов, те создали профсоюз, который вступил в федеративные отношения с другими — работниками табачной и пищевой промышленности и т.д. Испанские РеВОЛЮЦИонеры-анархисты привлекли к себе внимание полиции и вынуждены были покинуть Гавану. В провинции Санта-Клара Дуррути и Аскасо устроились на работу в поместье между Крусе и Пальмирой и приняли участие в сидячей стачке против сокращения зарплаты. Рабочие были жестоко избиты жандармами и принуждены вернуться на работу; чтобы воодушевить трудящихся, Дуррути и Аскасо убили владельца плантации. После этого им пришлось бежать. Какое-то время они укрывались в различных районах острова (в Ольгине они убили надсмотрщика, известного своей жестокостью), но затем покинули Кубу [322].

Испанские и кубинские анархисты (например, сотрудник «Тьерра!» Паулино Диас) сыграли важную роль в подготовке 2-го Национального рабочего конгресса [323]. Он заседал с 15 по 19 февраля 1925 г. в Сьенфуэгосе с участием 105 делегатов от 75 рабочих организаций. Было решено подготовить и созвать учредительный конгресс общенациональной профсоюзной федерации [324]. Участники, представлявшие около 150 тысяч рабочих [325], приняли следующую резолюцию: «Ввиду того что политика является источником всех проявлений аморальности, источником всех наших внутренних конфликтов и причиной всех проявлений зла в существующем обществе, Второй Национальный Рабочий Конгресс постановляет заявить, что принимает в качестве принципа Классовую Борьбу, Прямое Действие и коллективно отвергает Электоральное действие». Было решено изучить возможность проведения всеобщих стачек и организацию бойкота, бороться за 8-часовой рабочий день, создание единых профсоюзов во избежание параллелизма, за уравнивание кубинских и иностранных рабочих [326].

15 августа 1925 г. на 3-м Национальном рабочем конгрессе в Камагуэе было создано единое профобъединение — Национальная конфедерация рабочих Кубы (КНОК). 160 делегатов представляли 128 объединений с 200 тысячами членов³²⁷ В конфедерацию вошло большинство существовавших в то время профсоюзов. В КНОК существовали различные тенденции рабочего движения — анархисты, синдикалисты, коммунисты и другие. Наиболее последовательными выразителями анархистской тенденции были ведущие активисты профсоюза фабричных рабочих, синдикалистов возглавляли А. Лопес и другие лидеры Рабочей федерации Гаваны [328]. Несмотря на многообразие, в первые годы в деятельности КНОК преобладало прямое действие, а конгресс в Камагуэе принял решение о посылке

делегации на запланированный Панамериканский конгресс революционных синдикалистов. КНОК отвергала участие в выборах, требовала введения 8-часового рабочего дня и выступала против бюрократизации профсоюзов [329].

После конгресса в Сьенфуэгосе по всей стране развернулся процесс создания местных федераций будущей общенациональной рабочей организации. Как сообщали кубинские коммунисты в Профинтерн в октябре 1925 г., это движение не имело «определенной ориентации», поскольку в него входили не только коммунисты, но и анархо-синдикалисты, находившиеся под влиянием испанских иммигрантов из Барселоны, а также часть реформистов [330].

Не вошли в КНОК союзы рабочих сахарной промышленности, а также 15-тысячное «Братство железнодорожников». В последнем преобладали реформистские настроения, но имелись также анархисты и коммунисты. Попытки «Братства» создать на созванном в Камагуэе реформистском съезде собственную общенациональную федерацию трудящихся не увенчались успехом [331].

Невзирая на смешанный характер КНОК и входивших в нее профсоюзов, преобладающим влиянием в них до 1927 г. пользовались анархисты и анархо-синдикалисты. Коммунистам, несмотря на создание собственных ячеек в профсоюзах, первоначально не удавалось поставить их под свой контроль. В отчете о профсоюзном движении на Кубе для Профинтерна они признавали, что организовано этому движению придала испанская анархистская эмиграция. «Идолом был Анхель Пестанья, и родилась противоестественная дочь чудовищной НКТ Барселоны», с раздражением замечали они [332]. Но наличие анархо-синдикалистских лидеров не означало, что все или даже большинство членов в их профсоюзах были анархистами. Поэтому мастям легко удавалось нейтрализовать действия анархистов, арестовав наиболее заметных и влиятельных активистов [333]. Действительное количество анархосиндикалистов установить трудно. Во всяком случае, как заявил латиноамериканский делегат на IV конгрессе МАТ в 1931 Абадде Сантьян, «на Кубе наша организация перед диктатурой насчитывала 2500 членов [334].

В борьбе с движением трудящихся сформированное в 1925 г. диктаторское правительство Херардо Мачадо прибегло к жестоким репрессиям. Чтобы разгромить анархистский профсоюз фабричных рабочих, власти развернули целенаправленную кампанию: рабочие-анархисты Эдуардо Вивас и Луис Кирос во время забастовки в пивоварне «Ла Полар» были обвинены в попытке отравить пиво. С этого началось наступление на анархистов и профсоюзы [335]. В связи с забастовкой фабричных рабочих власти закрыли их профсоюз, подвергли аресту его секретаря — анархо-синдикалиста Маргарито Иглесиаса и сослали многих рабочих. В сентябре 1925 г. во время забастовки рабочих сахарной промышленности в Камагуэе был арестован, а затем убит другой анархо-синдикалист — представитель Союза железнодорожников Севера Энрике Варона. Власти обвинили анархистов во взрывах петард в Гаване. В октябре 1925 г. был арестован руководитель КНОК А.Лопес. В декабре многие известные анархисты были арестованы или бежали в США и Мексику. В январе 1926 г. Лопес и некоторые другие анархисты были освобождены, но 20 июля 1926 г. Лопес был похищен и убит. Его тело выбросили в море, где его съели акулы. В 1927 г. был убит М.Иглесиас. Против сельскохозяйственных рабочих помещики использовали террористические отряды

«Сельской гвардии» [336]. В сахаропроизводящем районе Морона более 50 рабочих были повешены на деревьях. Даже забастовка умеренного «Братства железнодорожников» была жестоко подавлена [337].

Несмотря на правительственный террор, кубинское профсоюзное движение оставалось на позициях классовой борьбы. В крупнейших рабочих союзах — железнодорожников и гаванских электриков несколько усилились реформистские настроения, но они так и не стали преобладающими. Весной 1927 г. рабочее движение начало восстанавливать свои силы. 19 марта 1927 г. был обновлен Исполнительный комитет КНОК и избран новый генеральный секретарь конфедерации Николас Нунхес. Руководство КНОК попыталось вновь объединить все профсоюзы страны в дееспособную конфедерацию, начиная с Гаваны, а также развернуть кампанию за единство профсоюзного движения и за амнистию для всех арестованных рабочих активистов [338]. В послании Профинтерну КНОК заявила о намерении развивать «братские связи» с рабочими организациями всего мира [339].

Все профсоюзы Гаваны образовали «Совместный комитет рабочих обществ по проведению I мая», который организовал в столице первомайскую крупную демонстрацию с участием 15—20 тысяч человек и большой митинг. После акции комитет был преобразован в Комиссию по реорганизации профсоюзов Гаваны. Конференция рабочих обществ столицы высказалась за реорганизацию Рабочей федерации Гаваны (РФГ). 9 июня 1927 г. конгресс, в котором приняло участие большинство столичных союзов, постановил создать новую РФГ и сформировал комиссию по подготовке устава организации. 31 июля должен был пройти учредительный конгресс федерации [340]. Генеральный секретарь РФГ Бенито Экспозито и другие члены ее исполнительных органов выступили за создание единого Интернационала профсоюзов на основе классовой борьбы и «участия масс в руководстве своими организациями» [341].

В провинции делегаты КНОК развернули работу по сплочению местных профсоюзов и оформлению местных федераций. При их содействии были в мае 1927 г. созваны конференции профсоюзов в Сьенфуэгосе, Матансасе и Карденасе, которые одобрили созыв конгрессов по созданию или реорганизации местных федераций. В двух первых городах они состоялись в течение мая — июня, в Карденасе проведение такого съезда было намечено на июль. Были предприняты шаги по восстановлению и объединению профсоюзов в Исабельде-Сагуа и Сагуа-ла-Гранде; письма в поддержку объединительного движения прислали также шесть местных групп «Братства железнодорожников», 15 местных союзов табачников, многие профсоюзы портовиков и т.д. [342].

Однако дальнейшее развитие движения было прервано новой волной правительственных репрессий. Власти закрыли рабочие газеты, арестовали ведущих профсоюзных активистов, включая секретарей КНОК и РФГ, обвинив их в коммунизме, хотя большинство из них не имели с компартией ничего общего. Намеченные на июль конгрессы не состоялись, и рабочие организации вновь подверглись разгрому [343].

С 1927 г. руководство в профсоюзном движении Кубы захватила Компартия Кубы. Правительственные преследования, разрушение проанархистского профсоюза фабричных рабочих и изгнание с Кубы его лидеров, убийство А.Лопеса, «главного вождя

аполитического синдикализма», писали коммунисты в докладе Профинтерну (декабрь 1927 г.), «привели к насильственному удалению большей части этих элементов с руководящих должностей рабочего движения. Хотя коммунисты также терпели от преследований, но вся обстановка усилила влияние партии на рабочие организации. В настоящее время можно сказать, что коммунистическое течение руководит рабочими союзами Кубы: работа по реорганизации профдвижения по большей части проходит под руководством партии» [344]. Таким образом, правительственный террор позволил коммунистическому меньшинству «устроиться во главе рабочего движения в целом», и отныне К НОК «следует... линии партии», — подчеркивалось в аналогичном отчете компартии о работе в К НОК за 1929 г. [345].

Радикальные анархистские группы «Спартак», «Солидарные», а позднее Федерация анархистских групп перешли к подпольному сопротивлению против диктатуры. Вместе со студентами и оппозиционными политическими группами они совершали насильственные антиправительственные акции [346]. Выходило издание «Тьерра!», и анархо-синдикалисты продолжали действовать в профсоюзах и других областях жизни [347]. Они активно поддержали в 1930 г. забастовку водителей трамваев Гаваны, которая переросла в 24-часовую всеобщую стачку, первую в условиях диктатуры. Однако в целом к 1930—1931 годам коммунистам удалось установить свой контроль над большей частью рабочего движения и К НОК. Анархисты, в свою очередь, склонялись к идее организации нового независимого профцентра — Всеобщей конфедерации трудящихся [348].

Развитие анархо-синдикализма в Центральной Америке

В 1920-х годах анархо-синдикалистские идеи распространились в центрально-американских странах, включая те, в которых прежде не существовало анархистских рабочих организаций.

В Панаме анархо-синдикалисты вынуждены были в 1923 г. покинуть Рабочую федерацию, созданную при их активном участии, поскольку та установила тесные связи с АФТ США и выступила за создание правительственного Бюро труда. В 1924 г. по инициативе работников транспорта и анархо-синдикалистской группы был основан Всеобщий профсоюз трудящихся в Панаме (ВПТ), насчитывавший несколько тысяч членов [349]. ВПТ объединил союзы, отколовшиеся от федерации из-за ее реформизма.

Анархисты Панамы играли видную роль в движении квартиросъемщиков. Внутри ВПТ была в 1924 г. создана Лига съемщиков и жителей (или «Лига квартиросъемщиков и продовольствия»), которая с 1925 г. выпускала издание «Эль Инкилино». Лига организовала выступления протеста против закона № 29 1925 г., вводившего налог на городскую собственность, немедленно переложенный на плечи тех, кто снимал жилье. Съемщики решили не платить за жилье, прибегая к мирным формам или к пассивному сопротивлению. Власти пытались запретить митинги движения, но его руководитель Самуэль Касис под

давлением съемщиков объявил о проведении манифестаций, включая забастовку 10 октября 1925 г. [350]. Забастовке помогал Национальный профсоюз адвокатов с участием видного либертария К. Ладислао Сегундо [351]. К стачке присоединились транспортники. Произошли массовые и кровопролитные столкновения между рабочими и безработными, с одной стороны, и полицией, с другой. В Панаму и Колон по просьбе панамского правительства были введены американские войска, которые жестоко подавили движение [352]. Все ведущие анархисты были арестованы и брошены в тюрьму «Модело».

В последующие годы ВПТ продолжал выступления, марши протеста, манифестации и пропагандистскую работу. Но под тяжестью обрушившихся на рабочие союзы ударов в этом союзе стали постепенно нарастать реформистские настроения, а влияние анархистов сходило на нет. Профцентр активно участвовал в выступлениях под национальными лозунгами, а в 1930 г. объединился с Рабочей федерацией в Профсоюзную федерацию рабочих и крестьян [353]. Многие ведущие анархисты Панамы (К. Ладислао, Д.Э. Турнер, Д. де ла Роса и др.) участвовали в создании различных левых политических партий.

В Коста-Рике анархо-синдикалисты были вытеснены из ведущего профцентра страны Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). 25 января 1923 г. ВКТ провела общее собрание членов, которое имело характер ее 3-го конгресса. На нем руководство перешло в руки сторонников реформистского социализма, участия в выборах и создания партий [354]. В 1925 г., после поездки по странам Америки члена ФОРА Х. Диаса, в столице Коста-Рики Сан-Хосе была создана «Группа периодического действия» [355]. В конце 20-х — начале 30-х гг. в стране существовала либертарная организация «Рабочая группа социальных исследований Сан-Хуана — К свободе», являвшаяся секцией МАТ [356].

Во второй половине 20-х годов складывается анархо-синдикалистское направление в рабочем движении Гватемалы. В 1926 г. стала выходить газета «Ориентасьон синдикалиста». Она имела анархо-синдикалистскую ориентацию и в 1928 г. выходила раз в 15 дней тиражом в 500 экземпляров [357].

В октябре 1926 г. из анархистского течения Рабочего социалистического объединения под влиянием зарубежных либертариюв (в частности, активиста ФОРА Хулио Диаса) в стране образовалась первая анархистская пропагандистская группа «Новая тропа», выступившая за создание рабочих союзов [358]. Активную роль в становлении анархо-синдикалистского движения в стране сыграл перуанский анархист Николас Гутарра, депортированный из Перу и Кубы и поселившийся в Гватемале. Благодаря его усилиям, анархо-синДИКИИСТТм удалось в 1927 г. вырвать из-под контроля коммунистов профсоюзы каменщиков и каменотесов, портных, металлистов, сапожников, кожевников и газетчиков, а также Федерацию трудящихся-деревообделочников [359].

В начале 1928 г. профсоюзы, стоявшие на либертарных позициях, договорились об объединении либертарного рабочего движения. 8 января союзы портных, каменщиков-строителей и комитет федерации рабочих деревообрабатывающей промышленности подписали пакт солидарности и создали Комитет за профсоюзное действие. Затем присоединились и представители других профессий — сапожников, металлистов, продавцов газет в столице, кожевников (последний союз просуществовал недолго) [360]. По

утверждению гватемальских коммунистов, в 1928 г. в комитете насчитывалось около 100 членов, в то время как в прокоммунистической Региональной федерации трудящихся — более 2400, в реформистской Рабочей федерации для законодательной защиты прав трудящихся — около 300, в автономных союзах взаимопомощи и профсоюзах столицы — более 5330 (некоторые находились под влиянием коммунистов) и в провинциальных культурных организациях и союзах взаимопомощи не менее двух тысяч [360]. Справедливость этих цифр трудно проверить.

В провинциях Эскуинтла, Санарате, Реталулеу анархо-синдикалисты образовали межпрофессиональные союзы. В Хутьяпе бывшая социалистическая организация перешла на позиции анархо-синдикализма. В Сан-Хосе возник анархо-синдикалистский профсоюз докеров, но как только он начал борьбу, то был запрещен и разгромлен [362].

Комитет за профсоюзное действие считался официальной секцией МАТ в Гватемале. Кроме того, на конгрессе АКАТ в 1929 г. были представлены Общество кучеров и Группа имени М. Бакунина [363]. Власти отвечали на активизацию рабочего движения репрессиями. Они запретили ввоз революционной литературы, закрыли бюро комитета. Был арестован ряд активистов, в том числе С. Сальгуэро. Рабочий-печатник, напечатавший призыв к Первому мая, получил 2 года тюрьмы. Испанский анархист Хайме Паскуаль был выслан из страны [364].

В Сальвадоре воссозданная в 1924 г. Региональная федерация трудящихся вначале объединяла сторонников различных взглядов. К примеру, межпрофессиональный союз в Сантьяго-де-Мария носил имя видного мексиканского анархиста Рикардо Флореса Магона [365]. Еще в 1927 г. федерация выдвигала фактически программу чисто экономической борьбы. Участвовавшие в ней группы обсуждали вопросы социальной революции, но массы мало интересовались этими спорами. Организация поддерживала связи с другими рабочими объединениями мира и заявила о присоединении к Профинтерну [366]. В 1929 г. руководство федерацией окончательно перешло в руки коммунистов [367]. Анархисты создали Либертарный синдикалистский центр в СанСальвадоре. Профсоюз текстильщиков страны присоединился к Американской континентальной ассоциации трудящихся [368].

Объединение анархо-синдикалистов Америки

С 1920 г. аргентинская ФОРА вела активную работу по объединению анархистов-синдикалистов Америки. Конгресс ФОРА в марте 1923 г. высказался за создание конфедерации революционно-синдикалистских организаций Южной и Центральной Америки (Аргентины, Уругвая, Боливии, Перу, Чили, Бразилии и Мексики), которая была бы представлена на II конгрессе МАТ единой делегацией [369]. Усилия по сближению анархо-синдикалистов континента предпринимала и мексиканская ВКТ. Она запросила рабочие организации Центральной Америки и Антильских островов относительно их желания принять участие во II конгрессе МАТ и получила позитивные ответы из Кубы и Гватемалы

[370]. В 1925 г. ФОРА организовала поездку делегата МАТ Хулио Диаса по странам Южной и Центральной Америки (Мексике, Сальвадору, Гватемале, Панаме и далсе на юг, вплоть до Чили), чтобы способствовать установлению связей между революционными рабочими организациями континента [371]. В ноябре того же года по инициативе ФОРА и ВКТ Мексики в Панаме должен был состояться Панамериканский конгресс революционных рабочих. Инициатива была поддержана также Уругвайской региональной рабочей федерацией. Однако этот конгресс не состоялся, так как ряд делегатов был арестован по приказу правительства США [372].

По решению 5-го конгресса мексиканской ВКТ (июль 1926 г.) был создан «Комитет по континентальной организации и пропаганде», на который были возложены задачи распространения печатных материалов, интенсивной пропаганды анархистских идей на континенте, издание ежемесячного бюллетеня для всех групп Америки, создание солидарного и братского объединения — Американской континентальной ассоциации трудящихся. Проведение конгресса было запланировано в Буэнос-Айресе. Но и этот проект не был осуществлен [373].

В 1928 г. ФОРА пригласила делегатов из Уругвая, Бразилии, Парагвая, Перу, Мексики и Центральной Америки приехать на конгресс в Буэнос-Айресе в мае следующего года. Конгресс ФОРА (август 1928 г.) одобрил поездку Х. Диаса по странам Америки и постановил собрать конференцию 1 мая 1929 г. [374]. В феврале 1929 г. ФОРА выпустила специальный номер своей ежемесячной газеты, посвященный подготовке к Панамериканскому конгрессу революционных рабочих организаций. В нем содержались: повестка дня конгресса, различные статьи и статистика, статья Д. Абада де Сантьяго о 6-часовом рабочем дне, его же материал о сельскохозяйственных рабочих, статья о безработице и т.д. [375].

Учредительный конгресс Американской континентальной ассоциАЦИИ трудящихся (АКАТ) состоялся в Буэнос-Айресе с по 19 мая 1929 г. В его работе приняли участие делегаты из девяти стран: ФОРА, бразильских рабочих федераций из Рио-Гранди-ду-Сул, Баже, Уругваяны, Пелотаса, Рио-де-Жанейро, Местной федерации рабочих Ла-Паса и групп «Факел» и «Свет и свобода» (Боливия), Комитета за профсоюзное действие (Гватемала), организации «К свободе» (Коста-Рика), ВКТ Мексики, Рабочей федерации Перу, ФОРУ и ИРМ Чили. Присутствовали также представители МАТ из Европы. АКАТ, ставшая коллективным членом МАТ, была призвана способствовать укреплению связей между рабочими организациями различных стран континента, развитию агитации и координации борьбы против капитализма и реакции [376].

Была принята Декларация принципов, в основном совпадающая с Декларацией принципов МАТ, но с учетом особенностей региона.

В декларации АКАТ отвергались «завоевание политического государства как средство пролетарского освобождения» и линия соответствующего направления рабочего движения, стремящегося создать новое общество с помощью декретов, «сверху вниз». АКАТ провозглашала свое стремление к изменению общества «снизу вверх», к организации труда, к свободе, справедливости и солидарности для всех. Основными принципами и целями ассоциации были названы: «ликвидация государства» как инструмента господства одной

касты или одного паразитического класса над массой производителей, экспроприация экспроприаторов, замена государства «социальным режимом, основанным на свободном труде вольных ассоциаций» и равенстве всех в праве на жизнь и в доступе к средствам производства и к потреблению; «уничтожение монополий», то есть частной собственности на общественные богатства; «свободный человек в свободном обществе». В декларации отмечалось, что АКАТ не оговаривает «специфическую форму организации будущих экономических связей», но «рекомендует коммунизм как условие, которое позволяет как можно более широко гарантировать социальное благосостояние и индивидуальную свободу». Латиноамериканские анархисты выступили за «Революционное уничтожение государственного аппарата и капиталистической экономической организации одновременно», поскольку сохранение одного из этих элементов неизбежно вело, по их мнению, к возрождению второго. Провозглашалась необходимость интеллектуальной и практической подготовки трудящихся к социальной революции и либертарному социализму, с тем чтобы «на следующий день после революции» они были в состоянии «автоматически» использовать взятые ими в свои руки средства производства, распределения и транспорта, а также выработать средства связи между различными группами производителей, не прибегая к единообразию.

Провозгласив верность девизу Первого Интернационала «Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся», АКАТ приняла в качестве методов и средств борьбы частичные и всеобщие стачки, саботаж и бойкот. Она отвергла любую политику, компромиссы и альянсы с партиями и профсоюзами, имеющими парламентскую или диктаторскую ориентацию. Ассоциация отрицала классовое сотрудничество, любое вмешательство государства в конфликты между трудом и капиталом и любой государственный арбитраж, призывая к сопротивлению против введения соответствующего законодательства. АКАТ приняла федералистскую форму организации. В качестве компромисса между позициями различных секций в ней допускалось создание рабочих союзов как на основе профессии, так и отраслевых. Важное место в работе организаций должно было отводиться идейной агитации. В декларации подчеркивалось: «Как надежду на будущее, АКАТ рекомендует анархистский коммунизм, сознавая, что пропаганда философских идей анархизма и практика в духе овладения средствами производства, распределения и транспорта должны быть постоянной заботой всех революционеров...»

Наконец, в качестве непосредственных задач, которые должны будут способствовать достижению целей АКАТ, ассоциация выдвинула борьбу за повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, защиту социальных, экономических и моральных завоеваний трудящихся методами прямого действия, сопротивление милитаризму и бойкот производства вооружений, уклонение от воинской повинности и организацию революционной ВСеОБЩСЙ стачки и саботажа в случае войны, отрицание искусственных границ и «провозглашение всемирной родины труда и общности интересов трудящихся всего мира», утверждение либертарного менталитета и чувства ответственности производителя, постоянную солидарность с жертвами в революционной борьбе против государства и капитала, помощь всем социальным и культурным движениям, не противоречащим целям ассоциации [377].

Отличие АКАТ от европейского анархо-синдикализма заметно проявилось в отношении к вопросу о насильственном восстании. Если революционно-синдикалистские организации Европы считали акт революционного насилия лишь одним и не самым важным моментом начала социальной революции, то латиноамериканские рабочие анархисты рассматривали насильственное свержение власти как свою важнейшую задачу [378]. «АКАТ выражает свою симпатию любой попытке революционного пролетариата добиться своего полного политического, экономического и социального освобождения посредством вооруженного восстания», — говорилось в Декларации.

Делегаты приняли также воззвание против преследований участников социальной борьбы и участвовали в демонстрациях по всей Аргентине за освобождение С. Радовицкого.

При обсуждении вопроса о рабочих сельского хозяйства выяснилось, что единое для всех стран континента решение принять невозможно, поскольку условия, существующие в различных государствах, значительно отличались друг от друга. Участники конгресса ограничились тем, что призвали входящие в ассоциацию организации уделять внимание этому вопросу, подготовить материалы и представить их АКАТ, а затем организовать международную дискуссию о формах эксплуатации. «Конгресс указал на существование различных форм эксплуатации человека человеком. Трудящийся эксплуатируется не только как производитель, но и как потребитель, эксплуатируется финансовым капиталом и с помощью коммерциализации, а также в качестве подданного государства. Поэтому конгресс указал на то, что революционные действия в ходе ПОВССДНЕВНОЙ борьбы должны быть распространены на все сферы». По оценке участников, рабочий класс вынужден вести борьбу против реакции по большей части в одиночку, поскольку интеллигенция и молодежь, за редкими исключениями, проявляют равнодушие. Конгресс высказался за применение революционным пролетариатом различных методов: от личного и массового уклонения от военной службы до бойкота, саботажа, всеобщей стачки и т.д. По предложению ФОРУ была принята резолюция за 6-часовой рабочий день. В связи с проблемой иммиграции делегаты подчеркнули необходимость взаимодействия со странами, откуда прибывают иммигранты. Конгресс избрал Секретариат из трех человек и Административную комиссию из представителей организаций, входящих в ассоциацию [379].

После конгресса представитель мексиканской ВКТ Энрикс Ранхель совершил пропагандистское турне по Парагваю, Боливии и Перу [380]. Работа АКАТ постепенно налаживалась. В начале 1930 г. Секретариат конфедерации объявил о начале подписки на газету «Ла Континенталь обрера», которая вначале издавалась небольшим тиражом в 5 тыс. экземпляров на 16 страницах, а затем — тиражом в 10 тысяч и рассылалась бесплатно. Каждый месяц АКАТ издавала пропагандистскую брошюру. Были направлены делегат в Северную Аргентину и делегация в Уругвай ЗЮ. С июня 1929 г. по май 1930 г. в АКАТ поступили средства на сумму 4416,1 песо. Из них на издание «Ла Континенталь обрера», брошюр и других материалов, а также на нужды работы Секретариата было истрачено 3858,85 песо [382].

К лету 1930 г. в АКАТ входили организации и группы из Аргентины (ФОРА), Боливии (Местная федерация рабочих Ла-Паса), Бразилии (Местная рабочая федерация Рио-де-Жанейро и организации из пяти других штатов), Гватемалы (Комитет за синдикально-

действие), Коста-Рики (Рабочая группа социальных исследований Сан-Хуана), Мексики (ВКТ), Парагвая (Парагвайский региональный рабочий центр), Перу (группа «Ла Протеста») и Уруг(ФОРУ) [383].

Военный переворот в Аргентине в сентябре 1930 г. нанес тяжелый удар по АКАТ. Из-за почтовой цензуры не удалось распространить бюллетень № 13 «Ла Континенталь обрса». Один из секретарей АКАТ Д. Абад де Сантьян вынужден был бежать из страны, другой секретарь Мануэль Вильяр был арестован и депортирован, казначей Х. Беренгср сослан в Упуайя. Разгромлен был и совет заместителей, призванный заменять Секретариат. Его члены Х. Родригес и М. Бритос также были депортированы. Деятельность АКАТ была парализована.

Большинство из депортированных собрались в Монтевидео, где была предпринята реорганизация Секретариата АКАТ. В него вошли Абад де Сантьян, Вильяр и новый казначей Р. Ребальятти, представитель ФОРУ. Совет заместителей составили Бритос, Ф. Карреньо (ФОРУ) и Э. Пена (ФОРА). Главной проблемой была катастрофическая нехватка средств. После мая 1930 г. в кассе АКАТ оставалось 570,25 песо. 100 песо было истрчено в помощь Местной рабочей федерации Ла-Паса, 500 — на отправку делегации в Боливию и 500 — на посылку делегации на IV конгресс МАТ. Эти и некоторые другие расходы были покрыты за счет поступлений. Но Секретариат МАТ издал еще циркуляры, три номера журнала и брошюру, которую так и не удалось распространить. После сентября 1930 г. поступление денег от ФОРА прекратилось и производить новые издания оказалось невозможным. Проблему удалось смягчить благодаря тому, что МАТ прислала на первое время помощь на реорганизацию в размере 500 марок золотом. Но поступлений хватило ненадолго. Секретариат призывал организации члены АКАТ сделать все возможное, чтобы восстановить прервавшиеся связи, присылать денежные средства на издание печатного органа и т.д. 384 В 1931 г. из-за нехватки средств Секретариат АКАТ вынужден был прекратить пропагандистскую деятельность.

Революционный юнионизм в Северной Америке

Североамериканские Индустриальные рабочие мира (ИРМ) отказались присоединиться к МАТ. В США им приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями, но они пытались продолжать борьбу. Весной 1923 г. ИРМ приняли решение широко обсудить и пропагандировать метод всеобщей стачки. В частности, предполагалось прибегнуть к этой форме борьбы, чтобы добиться освобождения 53 политических заключенных. На 25 апреля 1923 г. ИРМ назначили всеобщую стачку моряков под этим лозунгом и призвали моряков и докеров других стран поддержать выступление [385].

Преследования ИРМ продолжались. Но организации удалось добиться некоторых успехов. В США росли прежде всего организации строителей и сельскохозяйственных рабочих; велась революционная пропаганда в сталелитейной промышленности ЗКБ. В Канаде в 1923 г. ИРМ

объединяли 5600 членов (рабочих лесной промышленности и морского транспорта в Ванкувере, трудящихся Крэнбрука) [387].

XV конгресс ИРМ в ноябре 1923 г. высказался против присутствия на нем делегатов от Профинтерна и компартии. Делегаты подтвердили неприсоединение к политическим партиям. Была отвергнута тактика мелких забастовок, за которые выступали некоторые организации ИРМ, и подтверждена необходимость подготовки всеобщей стачки. С этой целью конгресс постановил создать специальные комитеты на местах. Была принята резолюция за освобождение политзаключенных на Американском континенте - [388]. На XVI конгресс ИРМ вновь не были допущены представители Профинтерна [389].

Однако в организации назревал «катастрофический раскол по вопросу децентрализации и амнистии для заключенных членов». Сторонники децентрализации настаивали на полной автономии для всех отраслевых союзов и отмене взносов в пользу центральных органов. Некоторые члены ИРМ требовали также не принимать никакую правительственную амнистию, но добиваться освобождения заключенных «уоблис» с помощью классовой борьбы [390].

В июле 1924 г. возник острый конфликт в союзе рабочих лесной промышленности: генеральный секретарь союза Том Дойл оспорил избрание децентралиста Дж. Роуэна в Генеральное исполнительное бюро ИРМ, обвинив его в присвоении средств и неверном стиле действий. Обе фракции апеллировали к ИРМ, а затем обратились в суд. Союзы металлистов и механиков исключили из своих рядов сторонников Роуэна — членов Генерального исполкома Ф. Боуэрмана и Э. Рэддока, которые объявили затем о создании «Подлинных ИРМ» [391]. Новая организация выступала против общенациональных членских взносов, за автономию организаций и обвиняла генерального секретаря-казначая ИРМ в краже нескольких тысяч долларов из фондов организации. По мнению Роуэна, Главное бюро возглавляли «гангстеры и грабители». Он добился судебного РАСШЕШЕНИЯ, запрещающего Чикагской штабквартире распоряжаться фондами и собственностью профсоюза. Децентралистская фракция образовала «Чрезвычайную программу ИРМ», опорой которой стали организации ИРМ на Западе США, особенно лесорубов. Она продержалась около 10 лет. Систематические полицейские рейды и «контр-рейды» подорвали мощь ИРМ на лесных разработках [392].

Характерно, что, обращаясь к МАТ, обе фракции ничего не сообщали о действительных предметах разногласий. Председатель «Чрезвычайной программы ИРМ» Мэтт Джонсон в письме в Секретариат МАТ возложил ответственность за раскол на интриги коммунистов, заявив, что именно из-за этого противодействия ИРМ до сих пор не вступили в Интернационал. В свою очередь, представитель «чикагской фракции» ИРМ Дж. Уэлиндер оспаривал справедливость такого утверждения [393]. 28 октября 1925 г. газета «Индастриал солидарити» обвинила МАТ в поддержке группы Джонсона. В ответном письме (5 декабря 1925 г.) секретарь Международного анархо-синдикалистского объединения А. Сухи отверг это обвинение и заявил, что Интернационал сохраняет «беспристрастную и нейтральную позицию» в этом конфликте. В то же самое время он резко критиковал ИРМ за «кампанию оветы и лжи» против МАТ [394].

ИРМ Востока США и Канады сохранили свой центр в Чикаго. Ряды организации росли, особенно в Канаде. Здесь в 1924 г. к ним присоединились вышедшие из Единого большого союза (ЕБС) работники лесной промышленности Северного Онтарио и угольщики Уэйна (провинция Альберта). В 1924—1925 годах бастовали лесорубы Крэнбрука и шахтеры Альберты. Возникли организации сельскохозяйственных рабочих Калгари и Виннипега. Численность канадских ИРМ достигла 10 тысяч человек. Правда, ряд новых групп вскоре распался, и число членов в Канаде снова уменьшилось до 4400 (в 1927—1928 гг.) и 3975 (в 1929 г.). В конце 20-х годов съезд ИРМ в Чикаго принял решение о проведении объединительного съезда с ЕБС, но он так и не состоялся. Оплот «уобблис» в Канаде — союз рабочих лесной промышленности попал под контроль коммунистических профсоюзов после того, как съезд ИРМ в 1932 г. подтвердил отказ от практики коллективных договоров [395].

В Канаде сохранялись и группы, по-прежнему входившие в ЕБС. Секретариат МАТ поддерживал с ними дружественные отношения. Однако в рядах союза было и немало сторонников коммунистов, поэтому ЕБС принял решение во избежание раскола не вступать в какие-либо международные объединения [396].

В США Индустриальные рабочие мира так и не смогли оправиться после репрессий периода Первой мировой войны и, скорее, топтались на месте. В конце 20-х годов в профобъединении, по его собственным данным, насчитывалось 8 тысяч членов; ему удалось несколько увеличить свое влияние благодаря успешной забастовочной борьбе в Колорадо и Пенсильвании. Оплотом ИРМ оставались лесорубы. Внутри организации действовали различные языковые группы, которые издавали свои газеты (на итальянском, испанском, русском, финском, чешском, венгерском и др. языках). Одно из течений в ИРМ выступало против МАТ, считая ее анархистской организацией, однако испанская, итальянская, русская и шведская секции были более дружественно настроены в отношении анархосиндикалистского Интернационала [397].



ИРМ удерживали влияние в отдельных местах, на отдельных предприятиях. В 1928—1929 годах они организовали стачки шахтеров в Колорадо. Согласно «Американской энциклопедии», совокупный тираж еженедельного печатного органа «Индастриэл солидарити» в 1928 г. достиг 228 650 экземпляров; кроме того, выходили издания на

